

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Сергей Тараканов

Град Сокровенный

(Китеж в творчестве кузбасских поэтов)

Новокузнецк
2010

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Т 19

Тараканов, Сергей Борисович

Град Сокровенный : (Китеж в творчестве кузбасских поэтов) / Сергей Тараканов ; ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт» . – Новокузнецк, 2010. – 132 с., портр., ил.

©Тараканов С. Б., 2010

На обложке – картина Н. Кофанова «Сокровенный град Китеж»
из серии «Легенда о граде Китеже»

Тараканов Сергей Борисович родился 3 апреля 1952 г. в г. Свердловске. Закончил исторический факультет Томского университета в 1975 г. В Новокузнецк приехал в 1977 г. Преподаватель истории в Кузбасской государственной педагогической академии. В КЛФ «Контакт» пришел в ноябре 1987 г.

Первая публикация – рассказ «О бедном драконе замолвите слово...» – в газете «Сельские вести» 25 апреля 2003 г.

По различным аспектам темы «Китеж» у С.Б.Тараканова вышло 9 статей в сибирских научных сборниках.

В 13 веке, во времена монголо-татарского нашествия, русский народ сложил удивительной красоты легенду о граде Китеже. Напомним её...

Захватив город Малый Китеж (современный Городец), войска хана Батыея двинулись на Большой Китеж, находившийся на берегу озера Светлояр. Путь его армии остался на земле как «Батыева дорога», но от блеска их копий и мечей остался след и на небе. «Батыевой дорогой» называется в народной астрономии Млечный Путь. Враги осадили Китеж. Обречённые горожане всю ночь молились о спасении, и произошло чудо: ночью город окутал туман, а когда рассвело, то его не оказалось на месте – он ушёл на дно озера Светлояр или, по другой версии, под окружающие город холмы. Китеж стал невидим и будет таким до Страшного суда, но до сих пор звучат его колокола, а в тихую погоду можно увидеть на дне озера золотые купола его церквей...

В праздники, особенно в ночь на 23 июня, на берегу озера собирались тысячи паломников, был обычай ставить на дощечки зажжённые свечи и пускать их по воде – они для невидимых церквей града Китежа. Тысячи плывущих по озеру дощечек с горящими свечами – какое было дивное зрелище... Мистерия Светлояра поражала видевших её, не случайно в начале 20 века началось настоящее паломничество туда русских писателей, здесь побывали Короленко, Пришвин, Мережковский и другие... Легенда нашла отражение в творчестве русских художников, поэтов, музыкантов. Можно вспомнить оперу Римского-Корсакова «Сказание о граде Китеже и деде Февронии».

Учёные связывают окончательное сложение легенды к началу 18 века, когда ранее проведённая безумная реформа патриарха Никона разрушила единую Россию. Раскол разделил народ на две части: официальную православную и старообрядческую «невидимую»... Но дробление продолжалось и позднее. В 18 веке появилась дворянская культура, и можно было видеть забавное зрелище: в деревню приехал барин из столицы в иноземном платье, со шпагой, говорящий по-французски – и крестьяне в народных одеждах, выполняющие магические обряды древности. И всё это Россия!..

Позднее добавились сюда атеистическая культура интеллигенции, массовая культура городов. В науке они называются субкультурами и в общем присущи всем христианским народам. Но нигде больше нет такого разрыва, как в России, где люди говорят, в сущности, на разных языках, а думают, что на одном! Правда, в советский период общее образование, идеология, образ жизни и даже бесправие привели к видимости единомыслия (по Козьме Пруткову), но Перестройка вернула всё на круги своя... Впрочем, единство советское было условно-обманчивым, хотя бы

существованием православия и других явлений «невидимой» России. Сейчас у нас опять разные миры, теперь не то что невидимые, а как бы незамечаемые. Есть религиозный мир. Есть мир современной массовой культуры, его ещё можно назвать бесовским по своим целям и результатам. Есть мир подлинной культуры: мир учёных, писателей, поэтов, художников, музыкантов и тех, кто с этим миром связан. Понятно, что последний разный, есть и те, кто, так сказать, продал первородство за чечевичную похлёбку... Собственно, только два из них и отвечают назначению человека.

Есть между ними и пограничные области, например, Рериховское движение или то, что называют православной культурой. Скажем, куда отнести стихи на религиозные сюжеты? Легенда о граде Китеже не случайно стала символом русской цивилизации. Она не погибает, а как бы уходит в глубину, как было во времена чуждых России монархов, так и в советский период. И обращение к легенде тоже имеет свою интересную периодичность, например, она вернулась, после значительного перерыва, в 60-е годы в творчестве таких замечательных поэтов, как Юрий Кузнецов, в картинах Ильи Глазунова и т.д. И переживает новый культурный взрыв сейчас. Любопытна география легенды. Чаще всего к ней обращаются поэты Поволжья, особенно Нижнего. Естественно – это её родина... Часто пишут о Китеже поэты русского Севера, так как и там есть подобные легенды, и колокольный звон невидимых городов, да в самой китежской легенде есть северные корни. Назову только загадочный свет Светлояра и полярные сияния – между ними есть загадочная связь. И в Петрозаводске живёт самый «китежский» современный русский поэт – Юрий Владимирович Линник...

Есть этот мотив в поэзии Дона, тем более, что там сложилась и своя легенда о «граде Игната», ведущая происхождение от казаков-некрасовцев, ушедших в Турцию в начале 18 века. Казаки бережно сохранили на чужбине свои традиции и вернулись на родину после окончания Великой Отечественной войны. Редко писали о Китеже на Дальнем Востоке, Урале, Алтае. Последнее не совсем понятно, ведь рядом было великое Беловодье, так сказать, земной «китежский» вариант...

И вдруг автор статьи обнаружил, к своему некоторому удивлению, что этот мотив есть у ряда крупных поэтов Кузбасса. Вроде далеко до Волги... На первом месте стоит Москва, побеждая количеством поэтов, так сказать, «массой». А поэзия Кузбасса на втором месте, опережая даже Поволжье! Такой вот парадокс... Оговорюсь, что здесь я могу ошибиться, так как полностью просмотреть поэзию нижегородскую мне не довелось. Но временные набеги в московские библиотеки привели меня к данному выводу... Впрочем, возможно, это объясняется тем, что сама поэзия

Кузбасса богата яркими именами, а далее следует, как нас когда-то учили, переход количества в качество!

Валерий Берсенев как-то уж больно мало издаётся! Всего два сборника за двадцать лет... Прямо преступление перед читателем... Его сборник «Семейное дело» – это и чудесная пейзажная лирика, как, например, «Звездапад»:

Луны латунный ковш
Густые черпал звёзды
И пронесил сквозь ночь –
Не слышно, чуть дыша.
Но видел чёрный лес
И видел синий воздух,
Что капли светлые
Срываются с ковша.

Или «После грозы»:

Всё утихло.
Мир в молчанье.
И,
Деревья обласкав,
Солнце
Узкими лучами
Ищет брода в облаках...

Два мира существуют параллельно, временами пересекаясь, и с трудом понимая друг друга, как в его «Нежности»:

Я спросил у филина
Во тайге ночной:
– Ты чего так сильно
Стонешь надо мной?

То ли извела тебя
Чёрная тоска,
То ль с ума свела тебя
Мокрая тайга?

То пуганешь тенями,
Нагоняя дрожь,
То, как привидение,
Крыльями махнёшь.

Хохотнёшь и скроешься,
Душу погубя.
Как тебе не боязно
Самого себя?

Ты – зачем?
О чём это?
Муторно во тьме?
И тогда, смущённо так,
Он ответил мне:

– Я по лесу шастаю,
Через вешний шум,
Я свою ушастую
Песней ворожу.

Никакою мукою
Я души не рву –
Милою агукаю,
Нежненько зову...

Как, оказывается, всё просто, а душа человеческая от страха содрогается... Филиница его, я думаю, прилетит как миленькая... Любовь же людская так загадочна и печальна... О чём хочет нам сказать поэт в стихотворении «Волосы»?

Засвистела ива в поле,
Телом вплетена в метель.
Пряди, синие до боли,
Бьют крахмальную постель.

Ветер знобкий, вечер косный –
Держат иву в чёрном теле.
Расчесать метели космы
Ветви звучные летели.

Так летел, покоя ради,
Голос ивы – злой металл!..
Эти космы, эти пряди
Я на пальцы намотал.

Что же вы теперь хотите?
Я держу их перед вами.
Кто бы смог на эти нити
Глянуть пыльными глазами!

Вы тепла открыть сумели
Нерастроченный запас:
Взгляд – и волосы метели
Гаснут в комнате у вас...

Приведу ещё его «Облепиху», грустную, – хотя и с забавными
неологизмами:

Что со мной – не понимаю.
Пропадаю ни за грош:
Ветка дикая, лесная,
Как ты колешь! как ты жжёшь!

Вот – сидишь и плачешь тихо,
Вся в колочках и слезах...
Облепиха,
Облепиха –
В рыжих яростных глазах!

Незаслуженное лихо –
Сор недоброй кутерьмы...
Задержи с неспустихой...
Говорят, что это – мы...

Задержи с неспустихой,
Что над крошкой – воробьи.
Облепихой,
Облепихой –
Пахнут волосы твои!

Вековая проблема отношений мужчины и женщины – тот «поединок роковой», о котором писал Ф. И. Тютчев. И ничего ведь нельзя поделать... Прямо нераздельно и неслиянно... И только потеря своей «половины» вдруг вызывает бесполезное уже раскаяние и ощущение, что всё могло быть по-другому...

Странно, что ряд его стихов посвящён смерти. Тема какая-то табуированная в советской поэзии, да ещё в её будничном варианте. «Героическая» смерть поощрялась, и даже говорят исследователи временами о своеобразной некрофилии советской идеологии. «...И, как один, умрём в борьбе за это!» – пелось в известной песне. Или это ощущение какого-то нашего неблагополучия? Может быть....

И он первым по времени из поэтов Кузбасса обратился к Китежу:

Древних Китежей картины
В водных зеркалах.

Патина и паутина
На колоколах.

Опрокинутое небо
Первой чистоты,
Разной птице на потребу –
Седала-кресты.

Взгляд поднимешь на просторы –
Синева легка,
Не дома и не соборы –
В небе облака.

Ночь войдёт в июльских звёздах
В пустоту небес...
Как же помнит этот воздух
То, что было здесь?!

Хотя автор предисловия к сборнику А. Казаркин объясняет нам, что это «пейзажная зарисовка, и природа вызывает у читателя такое же благоговение, какое должен рождать храм», с чем, конечно, можно согласиться, но замечательный образ «памяти воздуха» запоминается. Тем более, что, например, о памяти воды говорит вполне научная синергетика, есть и другие виды памяти. Есть память предметов – найдите плюшевого медведя детства и почувствуете! Есть и память места, она нам ещё пригодится... Мотив памяти снова возвращается в «Ветре в поле»:

Раздолье поостыло
И светом залито.
– За что его любила?
– Не ведаю, за что.

Забиты лужи илом,
Отстояна вода...
– Когда его забыла?
– Не ведаю, когда...

А ветер в поле – выйдешь,
Он рвёт платок из рук...
Всё это осень – видишь,
Как холодно вокруг!..

Увы, есть попытка забвения, но и только. Вероятно, память – это то, что отличает человека от животных, наш рай и наш ад. Сам процесс накопления исторической и культурной памяти и есть основа

цивилизации. А отказ от неё означает гибель и народа, и человека... Появятся какие-нибудь манкурты Чингиза Айтматова... Замечу, что именно по нашей памяти и наносят страшный удар «школа» Фоменко-Носовского, отравившая умы нашей молодёжи... Как это ни странно – многие им верят... Кстати, мотив Китежа очень древний, память ещё времён языческих... Мотивы Памяти появятся ещё в двух его стихотворениях. Это «Память юности»:

Ах! Какие саранки цвели!
Лепестки загибались,
Как мизинцы красавиц
За чаем,
Который пьют
Из молочных пиалок утра...

А закат расстилался вдали –
Целый день до него
Перламутровых дуновений,
И сожмутся и вырастут тени,
Полукруг проползая в пыли.

Я не про то, как просторно в юности время.
Я про то,
Как саранки цвели...

Нет, конечно, это как раз про ушедшее время юности – светлый «Китеж» многих, если не всех, людей. И не только тогда саранки цвели чудесно...

И последнее приведу у него стихотворение – «Пустое место»:

Ну вот и брёвна увезли.
Картинно, словно на параде,
Касаясь ветками земли –
Красуется сирень в ограде.
Фундамент мёртвый – шесть на шесть,
Да яма погребца – как рана.
Ещё следов-примет не счесть,
Но мне уже представить странно,
Что здесь недавно печь топили,
Что поливали огород,
Что на закате выходили
Встречать корову у ворот,

Купали в ванночке ребёнка
В такой же яркий летний день
И незнакомая девчонка
Рвала под окнами сирень...

Тоже память покинутого дома, но какая уже горькая. Кстати, призраки уже исчезнувшего мира могут сохраняться столетиями и в науке есть даже понятие «хрономиражи»... Появляется, к примеру, в небе над Саратовом временами какой-то древнерусский город...

Дальнейшую хронологию соблудности трудно, не у всех поэтов стоят даты написания их произведений. Нет в этом и особой необходимости...

Валерий Зубарев вошёл в литературу сборником 1970-го года «Говорил со мной ветер» с предисловием Игоря Киселёва. Автор предисловия отметил и то, что биографию поэта можно безошибочно угадать по его стихам – деревенское детство «наградило его пристальной и нежной любовью к природе».

Говорил со мною ветер
на прозрачном языке.
Был он грустен, был он светел,
и дождинка на щеке...

Всё приходило к нему в свой срок – и студенческие выезды на уборку урожая, и первая любовь, и первые заработанные деньги, и, наконец, служба в армии. И обо всём этом Валерий доверительно рассказывает в своих стихах – иногда с улыбкой, иногда с лёгкой и вполне понятной грустью»...

Игорь Киселев также замечает, что «многие его стихи на историческую тему грешат откровенной стилизацией».

Таких стихов там всего одно и возможно, что речь шла и о неопубликованных, при отборе сборника. Сама же историческая тема для поэта будет в начале его творчества не характерна. Но свою «Вышка времени...» (стихотворение «Ополченец») поэт будет и позднее перепечатывать в последующих сборниках. Приведу его:

Вышка времени. Степь веков.
Кто там движется валкой рысью?
Надвигается стук подков...
Вот он – средневековый рыцарь.
С головы и до пят броня,
Механическая осанка.

Взгромождён на бронеконя
прототип тяжёлого танка.
Содрогается конь под ним,
а у росса – Русь под ногами...
Ненавистен! Неуязвим!
Неприступен! Недосыгаем!
Но споткнётся железный конь,
рыцарь наземь с размаху рухнет.
Понимаю ярость, с какой
топором его хряпал русич.
Запоясан едва-едва,
задышался от возмущенья...
Холодало, колол дрова,
тут и кликнули в ополченье.

Врага, понятное дело, – надо «хряпать» нашим народным универсальным инструментом, позднее Чернышевский будет звать Русь к топору, но, любопытно, что, если бы конь не споткнулся? Кто тогда бы победил? Или конь втайне на стороне русского народа и споткнулся не случайно? Вопросы... Промелькнёт в сборнике и память предков в стихотворении «Тополь»:

Корчеванный род, да не жидкий,
и сгинул бы, да – никак.
Здесь кол тополёвый прижился,
там корни пустил сибиряк.
Я слушаю листьев ропот
и слышу хорошую весть:
– Идёт от единого рода
моя и чалдонская ветвь.
Не это ль постигнуть силась,
темны до поры и дики,
на тополь зело молились
раскольники-кержаки?

Поспорим с поэтом... В народе говорили когда-то так: «В берёзовом лесу – веселиться; в сосновом лесу – молиться; в осиновом – удавиться...» Тополь же и осина – родня близкая... А происхождение общее должно быть всё-таки берёзовое – так называемая «легенда о белом чуде», когда появились в Сибири первые берёзы как предвестие прихода нового народа... Впрочем, подобное сравнение ведь не могло прийти случайно? Привёл же я оба стиха, потому что тогда позднее закономерно появится и мой Китеж...

В первых его сборниках поэт не касается религиозного мира. Вероятно, не было в этом внутренней потребности... Благополучное, в общем, было время, а тревожные признаки будущего виделись немногими. Разве только мелькнуло в «Магнитном поле» естественное для молодости «Кошунство»:

Глазами долу по-монашьи,
почти лампадка – так тиха.
Но губы, свежие манящие, –
предощущение греха.

Да с ними ль в ханжеских оковах
плутать в готическом лесу?
Из этого средневековья
тебя, клянусь я, унесу.

Ослабнет вдруг литое тело,
и сноп качнётся головы...
И Возрожденье, золотая,
запахнет сеном луговым.

Понятное дело, «почти монашку» обнять приятнее, чем блудницу какую-нибудь...

В «Мыслящем огне» появятся мотивы фольклорные, например как вариация известного стихотворения Юрия Кузнецова о принесённой напрасно в жертву царевне-лягушке, но более жестокое, так как студент-медик режет её со словами: «Ну, царевна» («Змей Горыныч»). Жестокость нашей Перестройки не случайна. Она порождена так называемым «социалистическим гуманизмом», существовавшим как антитеза гуманизму западному, «абстрактному». Вот и стихотворение Валерия Зубарева о бездомной собаке, породистой, но ставшей бродягой, и два друга решают её судьбу:

...Да, пёсик, зашел ты, видать, далеко,
ты стал настоящим бродягой.
Кому-то тебя различить нелегко
с последней безродной дворнягой.
Конечно, тебя накорми, приласкай,
и станешь ты прежним. Однако,
подумав, решили: не надо, пускай
понюхает жизни собака.

Гуманисты... Пусть лучше по помойкам лазит свободной собакой!.. Хотя, скорее всего, объяснение более простое – просто ни у кого из них никогда собаки не было! Любой «собачник» знает, что домашняя собака

быстро очеловечивается и, оставшись на улице, скоро гибнет от психического стресса.

Впрочем, речь не идёт о неких претензиях поэту, живущего, если так можно выразиться, жизнью. Тем более, что была написана поэтом и «Чалдонская быль» о человеке-звере, пусть и принявшего, «весь светясь, свободу новую и власть»:

... И даже то, что эту власть
оберегал от всех нападков
и, говорят, не в бровь, а в глаз
стрелял он «белых куропаток»...

Поэт не прощает его, искалечившего баба Клаву:

... Тогда умели женщин бить.
Он был и в этом самым лютым...
Не зря, чтоб вовсе не убить,
он бил её, накрыв тулуном...

Думаю, что и при новой власти Митрофан продолжал своё битьё страшное. Только новая власть ему ещё и убивать разрешила... А отмечаю это потому, что время для осмысления нашего прошлого ещё тогда не пришло. Но вот сборник поэта 1988 года «Час пик», в котором появятся и горькие «Уроки истории»:

Нас публично
учили не врать
вы,
которые искренне врали,
нас учили
не воровать
вы,
которые воровали.

Вы учили б другому –
увы!..
Хоть другого хотелось до крика,
против правды и совести вы
выступать не решались открыто.

Но, себя же связав по рукам,
перед нами
не зря выступали,
если в нас
к лицемерным речам
отвращение воспитали.

А вот его прямо пророческое стихотворение « В новом... »:

В новом
старых немало примет...
Вот покорный безропотный смерд,
вот напыщенный думный боярин,
вот лукавый ордынский татарин.

Смерд
текущее дело
попашет,
авторучкой боярин помашет,
чуть устало
бумажку подпишет,
а татарин на подпись
подышит.

Им привычны затишья
и грозы,
совнаркомы
и совнархозы,
наши слёзы

и новые грёзы...
и бескровные метаморфозы:
смерд текущее дело попашет,
авторучкой татарин помашет,
чуть устало бумажку подпишет,
а боярин на подпись подышит.

Важно пыжится
бывший татарин,
и лукавит
недавний боярин,
и покорен безропотный смерд...
В старом
новых
не много примет.

Увы, в новом примет старого оказалось в последующие годы ещё больше! Что ни губернатор, за редким исключением, – это воевода, выехавший на кормление. И становящийся очень богатым человеком без каких-либо угрызений совести... Чиновники, как в каком-нибудь 17 веке, – живущие взятками и их вымогающие... Только вот метаморфозы

оказались не бескровными, а очень даже кровавыми, но кто это мог тогда предвидеть?

Новое зло пришло в Россию. И оно невидимо, – не рыцарь из «Ополченца», которого можно поразить. И в сборнике «Другое «Я»» поэт обратится к проклятым русским вопросам, как в стихотворении «Ворон»:

Не архилитературный,
вполне натуральный на вид,
из прошлого
ворон сутулый
за мной неотступно
следит.

На дне неподвластной пучины,
томясь в летаргическом сне,
натужно
прапамять мужчины
ворочается во мне.

Я видел в минуты крутые
пернатое это пятно.

Для гибнущих
небо России
навек затмевало оно.
– Не дай мне ослепнуть!
Не дай же...
Но ратное божество
на грудь упало...
А дальше
не помню уже ничего.

Нет,
вижу, что траурно крашен,
чужой
для чужих воевод,
в тот миг
ещё более страшен
картавящий небосвод.

Нет,
слышу, как, жажда мести,
безумно молитвы творя,
проклятия ангелу смерти
враждебные шлют лагеря.

Чернейшей из аллегорий
до этого что за дела?.. –
Рвёт ворон
силки категорий
добра
сопредельных
и зла.

И вновь неподсуден.
И вот он... –
прорвал наслоенья
времён.
Глаза закрываю –
ворон.
Глаза открываю –
он.

Лучистое небо
синее.
Но тело его в вышине
осколочно воронее,
прапамять тревожа во мне.

Он грузно
на грудь
не слетает.
Не застит он
небо страны...
И всё же
в глазах
не хватает
кусочка голубизны.

Не петухи
нас будят,
а вороны.
Но каркают они
не похоронно.
Живу почти на высоте Стожар –
в высотном доме...
А внизу
базар.

Его вороны пробуждают тоже... –

Продрал глаза,
крутые сны итожа,
и кормит их...
и радуется, лют,
что человечье тело
не клюют.

Что же произошло со страной и кто говорит от её имени?:

У заповедного моста
Господь вас поразил
в уста.

Замкнул плотиной вашу грязь,
чтоб в вас же
ваша грязь лилась.
Чтоб в души не ломились вы,
чтоб словом подавились вы.

Но дьявол
вам
отверз уста
у несожженного моста

И между Богом и людьми
по снам,
по дружбе,
по любви,
не отражая облака,
дымится адская река.

И не дотла сожжённый мозг
над ней –
как обгорелый мост.

Мы добрались медленно и верно до последнего сборника поэта «Зеркало Бога». «Стремление заглянуть в зеркало Бога неодолимо. А если и греховно, то и грех этот прекрасен. И влечёт к нему первородное любопытство. Не зря наш Великий Поэт отсутствие любопытства считал пороком.

Ведь оно помогает увидеть своё несовершенство, вызывает желание лучше устроить обитель благодатного духа – человеческую душу. Через взлёты и падения, через напряжение всех органов чувств, в которых мир

проявляется красками, звуками, запахами, вкусовыми и осязательными ощущениями, рождается шестое чувство. И если оно вызывает боль, пусть мужества придаст мысль другого великого русского классика о том, что будь эта боль единственным во Вселенной ощущением, оно показывает, что ты жив для творчества и любви», – пишет в начале сборника поэт.

Мысли для меня слегка запутанные. В теле обитель духа, а в духе душа? Матрёшка тройная... Хотя с духом сложно в христианстве, и он был «потерян» к 10 веку, но почему стремление «заглянуть в зеркало Бога» может быть греховно? Да это прямая обязанность христианина, – если говорить, например, о самопознании... Но, как я понимаю, зеркало это – и природа, и культура. И тогда через них, как и через моральное совершенство можно и пытаться стать образом и подобием Бога... Тем более, что есть у поэта и стихотворение «Триптих шестого чувства», – идущее, возможно, от Н. Гумилёва...

Само же обращение к религии Валерия Зубарева не случайно, как и других наших поэтов – Александра Ибрагимова, Сергея Донбая, Любови Никоновой и других... Православие есть некая духовная опора народа, да и сами основы нашей жизни православные, если понимать его предельно широко – как картину мира с её пространственно-временным делением, моралью, духовными ценностями и так далее. Личное же отношение к вере может быть разным... Но вернёмся к сборнику. Тут мы встретим и объяснение подобного обращения:

Жил я,
как все, греша,
телом я был
весь.

Но заболела душа...
Понял:
она
есть!

Не верю поэту. Не был он никогда «телом весь», – иначе не писал бы стихи... «Чтоб душа моя тоже взлетела», – мечтал поэт ещё в сборнике 1974 года... Тем более, что и нет, наверно, безбожников, а есть неумение вслушаться в себя:

Рисуешься тем,
что безбожник,
а сам,
неподвластно уму,
выходишь

под ласковый дождик
и радуешься ему.

И к небу
лицо поднимаешь,
и слышишь внутри
голоса...
Но внутренне не понимаешь,
что благодаришь небеса.

К слову замечу, впрочем, рисоваться можно и тем, что считаешь себя «божником», обманывая себя, о чём говорит «Покаянный верлибр» поэта:

Мы пока лишь
болтаем
о стремлении к соперничеству...

Мы не то что на Деву Марию –
даже на Магдалину
не тянем...

Ни тем более –
на Христа...

Ни на трижды отрекшегося
Апостола...

И даже
на Иуду...

Потому что предавали
не один раз...
И даже в мыслях
ни разу
не повесились.

Мне кажется, что христианский мир ещё недавно был для него чужим, и отсюда не совсем удачные обороты речи, например, слово «соперничество»... Верующий человек сказал бы о «подражании»... Зря он обидел и Марию Магдалину, исходя из некоей мифологической традиции. Сейчас она всё больше обретает статус «жены» Иисуса Христа! Да, замечу, и о мыслях других людей может знать только Бог... Может, и вешались мысленно современные носители зла. Кстати, – в психологии есть такой парадокс, – когда возможное раскаяние преодолевается новым злом. Отсюда, возможно, и бесовщина современной России... Сам поэт, впрочем, сочувствует всем:

Полудерево, полусталь –
вся страна моя
тризна страдающих.
И почти одинаково
жаль
и убитых...
и убивающих.

Завтра видится
через вчера:
их тела,
молодые и цельные,
разорвутся
от криков «ура»,
превращаясь
в идеи бестельные.

О чём это? Грядущая война? Или новое возвращение какой-нибудь идейной диктатуры, отменяющей, как известно, не только личность, но и право на собственное тело? Всё возможно, спросить же лично поэта нет возможности...

Вот высказанная им горькая истина:

Подарил приметы
мудрый век
Франции –
как душу красоты,
а России –
словно дух пустыни:
только там не чахнет
человек,
где не вырождаются цветы,
где не вырождаются
святыни.

Интересно, а вновь построенные в России храмы – признак её возрождения, или только видимость, морок, за которым пустота? Да нет на это чёткого ответа, а в другом стихотворении поэт категорически утверждает:

Щедра у народов фантазия.
Мечты у народов простые:
два лёгких –
Европа и Азия,

единое сердце –
Россия.

Вот с этим как раз можно поспорить. Есть, конечно, традиционное русское мессианство и, мне кажется, связанный с ним самообман. Но и печальная теория о том, что Россия есть некий провал в истории. Страна, соединившая в 20 веке все недостатки и пороки Запада и Востока – и ни одного из их преимуществ. Само же наше существование есть некая инерция исторического развития... Да и живём мы, – не будем хоть себя обманывать, – как сырьевой придаток этих миров... Раньше Запада, а сейчас и Востока!

Когда-то поэт охотно обрёл несчастную собаку на ненужную ей свободу, но вот другая оценка, более человеческая:

В ней дух
коттеджа и барака,
и лимузина и такси...
Но, как бездомная собака,
Свобода
бродит
по Руси.

Хотя есть у поэта и надежда. Вот мы, наконец, подошли к невидимому граду:

Бурлящая страна,
не ты мечту похитишь,
что вот...
всплывёт со дна
не субкультура – Китеж.
Я выстрадал давно
под песни воровские:
не надо путать дно
и глубину России.

Может, поэт и прав, и невидимая Россия более значима, чем кажется на первый взгляд? Но где она? Дно страны как-то бросается в глаза, а есть ли эта глубинная Россия? Выскажу своё мнение – это не погибающая русская деревня. Не крупные города, особенно столицы, и мудро писал когда-то Рильке:

Господь! Большие города
Обречены небесным карам!
Куда бежать перед пожаром?
Разрушенный одним ударом,
Исчезнет город навсегда.

Не является таким Китежем и мой родной Новокузнецк... Но наши провинциальные города сюда можно отнести. Какое чудо, к примеру, город Бийск, где мне удалось недавно побывать. Такой светлый патриархальный и домашний мир. Возможно, таким городом является и Кемерово, и я к нему ещё позже вернусь. И тогда, вероятно, лучший вариант жизни этой глубинной России – жить, не замечая новых бесов, находя смысл жизни хотя бы в семье, что не так уж мало... Как в стихотворении поэта «Алёнушка»:

Есть у меня Алёнушка,
есть у меня Егорушка.
Тренькает жаворонушко
и подпекает скворушко.

Светлая лебедь жёнушка
всё-то гнездо латает.
Ловит улыбкой солнышко,
в тихих мечтах летает.

Есть ли ещё
сторонушка,
где хорошо бывает...
– тренькает жаворонушко,
скворушко подпекает.

У Геннадия Юрова легенда встретила меня дважды. Это большой том прозы «У родника на Красной Горке». (Кемерово, 2004 г.) и сборник стихов и поэм «Музыка света» (Кемерово, 2006 г.). В первой книге, носящей ещё подзаголовок «Очерки смутного времени», есть «Печальная повесть о боге погоды», рассказывающая о жившем в Темиртау Анатолии Дьякове, продолжателе великого солнцоведа Александра Васильевича Чижевского; воспоминания о литературном процессе Кузбасса, свидетелем и участником которого был автор. Красная же Горка – это исторический центр Кемерово и «малая родина» поэта. Описана она с любовью, сейчас там музей-заповедник, восстаёт из полубытия уникальная архитектура голландского архитектора Ван Лохема, и, вероятно, не последняя роль здесь самого поэта... С каким тупым равнодушием у нас в России губится национальное достояние и как сложно потом его восстановить, иногда только благодаря настоящему подвигу отдельных патриотов... Таким Китежем детства была для Юрова его Красная Горка, о чём упоминается в нужном нам очерке «Я верю

граду Китежу». Он посвящён замечательному художнику Николаю Кофанову, долго жившему в Кемерово и оформлявшего сборники многих кузбасских поэтов. Последние годы художник жил в Петербурге, умер в 1998 году, и ещё при жизни Кофанова сожгли его мастерскую с незавершёнными работами, книгами, дневниками, письмами друзей... Как человек верующий, художник принял «страшное известие со спокойной отрешённостью». Но нам, живущим, что чувствуется? Сам художник родился на берегу Светлояра в 1943 году и в день своего пятидесятилетия сделал в дневнике такую запись: «Когда работаю над «Китежем», я ухожу мыслями не только в прошлое, но и в будущее: как дальше будет жить эта легенда на Руси, в Европе, на планете? Не текст, написанный в 17 веке старообрядцами, а само понятие, объединяющее Россию и русский характер».

В 1993 году он привёз свой цикл «Сказание о граде Китеже» в Нижний Новгород, есть у него и произведения, посвящённые православным храмам России. Но только ли Китеж на дне Светлояра или за символом стоит нечто большее? Приведу интересный разговор художника и писателя:

«Я спрашивал Николая:

– Ощущаешь ли ты в облике Санкт-Петербурга град сокровенный?

– Конечно, – отвечал Николай. – Обязательно.

– А в Ростове Великом?

– Обязательно. Град Китеж есть во всех старинных городах среднерусской полосы, которые мне довелось рисовать.

– Ну, а вот – в Новосибирске?

Николай подумал с минуту и сказал категорично:

– Нет! В Томске град Китеж присутствует... Ещё в Мариинске... Ещё в Иркутске...

– А в Кемерове? – наконец спрашиваю я.

– Нет, – говорит Коля и виновато куда-то смотрит, дескать, и рад бы сказать, что «да», совесть не позволяет. Либо есть, либо нет – и здесь ничего не поделаешь.

Я с Николаем не соглашаюсь. Кофанов-художник опровергает Кофанова-мыслителя. В его серии гравюр, где даны несколько ликов Кемерова, видимых с Красной Горки, Китеж-град, несомненно, угадывается.

Но, бывало, весной, по ночному уставу,
Соскользнув с угловатых насупленных скал,
Снисходил к половодью задумчивый правый.
Истомившийся левый к воде припадал.

И мерцал из глубин свет тревожный и яркий,
Шёл с дарами созвездий на дно небосклон.
Липы скверов и парков сплетались с бояркой,
Плыли окна в тени запрокинутых крон.

И восторга озноб ощущая плечами,
Утра я ожидал от реки в двух шагах...
Вот такими ночами, такими ночами
В моём сердце скрестились её берега.

Мы сходимся на том, что град Китеж присутствует в каждом русском городе, но не каждый человек способен его различить. Для одного есть, для другого нет. И дело не только в том, приемлешь ли ты сердцем город, но и в том, примет ли город тебя. Кофанов-художник, не найдя взглядом церковных куполов (Знаменского собора тогда ещё не было, не было и часовни возле филармонии), наполнил внутренним свечением кроны деревьев, береговые линии, контуры проспектов... Эти рисунки не померкли со временем. Мы обращаемся к ним вновь и вновь. Они стали неотъемлемой частью «духовного поля провинции».

Обратим внимание на оценку Петербурга. Бывшая столица империи сохранила свой поражающий глаз облик, «чудо над Невой» – уцелевший град Китеж, в отличие от Москвы, свою уникальность потерявшей... И вставшие из руин церкви – «осколки Руси». Геннадий Юров делится с нами, что их с художником влекла к себе одна тайна – природа света. И летом 2001 года поэт вновь побывал на берегу Ладожского озера.

«Там родилось это стихотворение, которое, как я полагаю, продолжает наши разговоры с Николаем Кофановым о природе света.

Шептал я слово «Ладога»,
Искал я рифмы лучшей.
И возникала радуга
Вначале как созвучье.

Потом синё и розово
Над сумрачной долиной
Темнеющее озеро
Явило свет глубинный.

Потом, рисуя набело
Крутое семицветье,
Тот свет ушёл параболой
В грядущее столетье.

Я воду пил из Ладоги,
Когда ни волн, ни ветра.

Я зачерпнул из радуги –
Из солнечного спектра.

Лиха година – выдюжу.
Про Ладогу-Онегу
Я верю граду Китежу
И вешему Олегу.

Горел закат медлительный
От радуги отдельно,
Где дол градостроительный,
Где сосны корабельны.

Где семь цветов – не гиблые –
Руси первооснова...
На Ладоге, как в Библии,
Вначале было слово.

Замечу, что хотя кузбасская поэзия очень молода, – ей примерно пятьдесят лет, но уже появилась и своя классика. Таким «классическим» поэтом является и Сергей Лаврентьевич Донбай. Я не буду давать подробный очерк его творчества, как раньше не стал делать о Геннадии Юрове. О классиках всегда и везде пишут много! Поэтому полностью пропущу его ранние стихи и возьму только несколько сборников последних лет. Отмечу только, что для него больше, чем для других поэтов края, характерно обращение к тому, что называют культурной памятью. Назову, к примеру, редкие для Сибири «Воспоминания об Элладе», стихотворение «Костёл Анны в Вильнюсе», и я его приведу:

Молочные реки и с неба манна
Не пошатнули земных основ.
Встретилась церковь «Святая Анна» –
Ах, глаза! – продолжение снов.

Кому-то приснилась такая радость
В средневековой родной глуши.
Вот и живём, этой радостью раясь, –
Ай да сон! – продолженьё души.

Душой или той же рукой, что гладил
Ночью, когда называл своей,
Встал поутру и любя изладил –
Аве! – доченьку всех церквей.

Над нею, конечно, присмотр всегдашний
С неба... но так облака спешат –
Кажется, падают, падают башни...
Ой, – уронишь! – нельзя дышать.

Есть стихи, посвящённые Н. К. Рериху, Марине Цветаевой, своеобразная и интересная философская поэзия, например, «Баллада о быстром и медленном времени», посвящённая Александру Ибрагимову:

Сядешь в троллейбус на две остановки –
День, как одна остановка, мелькнёт.
Только успеешь прочесть заголовки...
Быстрое, быстрое время идёт.

Как в наказание повысили в чине
Или сослали путёвкой на юг,
Словно без очереди в магазине
Быстрое, быстрое время дают.

То ли от радости, то ли от боли:
Сбили?.. Забили?.. – качнув небосвод,
Горлом трибун, как турбин, на футболе
Быстрое, быстрое время орёт!..

По мановенью крылатого ЯКа
Горный Алтай обступил меня вдруг,
От удивленья и для объятья
Медленно руки разводит мой друг.

Улицу всю заслоняя боками,
Сено везли. «Берегитесь, внизу!» –
Крикнул возница. Казалось, стогами
Медленно, медленно время везут.

В жизни другой, может, был конокрадом? –
Тайную радость мне взгляд принесёт:
Двух лошадей на поскотине рядом
Медленно, медленно время пасёт.

Осень копается на огороде.
Топится баня. Стучается мёд.
И целый день, как по горной дороге,
Медленно, медленно время идёт.

... Всё же прошло и оно – улетаю!
ЯК незаметно пространство торит.

Снег на вершинах Алтая не тает.
Быстрое медленно время торит.

Если в Кемерово время быстрое, то каково несчастным москвичам! Там оно летит со скоростью курьерского поезда. Наука же философия подтверждает, что времён действительно существует много – биологическое, физическое, психологическое и последнее замедляется в отрыве от цивилизации. И многим это невыносимо, ещё Александр Блок об этом писал... Само же посвящение не случайно – эти два поэта для меня близки по, назовём так условно, определённой направленности... Не путать с особенностями поэтического творчества...

Юмор в поэзии – явление не частое, хотя и встречается. Назову, к примеру, Анастасию Куприк из города Прокопьевска, с которой мы позднее встретимся. Есть такие стихи и у С. Донбая, например, «Эмансипация»:

Встала жена, да не с правой ноги,
И расходилась в хозяйском пылу:
Скатерть одёрнет – графин вдре-без-ги!
Простынь одёрнет – мужик на полу!

Встанет мужик. И не спорит, не ноет.
Молча стекло за собой подметёт.
После – «жену на скаку остановит»...
Словом, «в горящую избу войдёт»...

Во времена Некрасова лучше было... У меня сложилось ощущение, что для кемеровчан характерен местный патриотизм. Вспомним опять Геннадия Юрова и его «Красную Горку». Особая любовь к своему городу, что для Сибири, – за некоторым исключением, – явление редкое. Вот и у Сергея Донбая есть небольшой сборник стихов, посвящённых родному городу – «Мы нарисуем город словом», приведу только одно – «Утренний снегопад»:

Тихий-тихий, удивительный
Этим утром снегопад.
Непроснувшихся родителей
Мальши ведут в детсад.

Всё как будто нарисовано.
Ты и сам шагнул в этуод.
Тонны снега невесомого
Рядом в воздухе живут.

За домами белобровыми
Звуки спрятались совсем.

Тишина лежит сугробами,
Как верблюды возле стен.

Понимаю: звук не видно ведь...
Снегопад – не услышать...
Только странно слово вымолвить,
Чтоб себя не испугать.

Как и многих поэтов, – я уже приводил Валерия Зубарева, – его не обмануло начало нашей Перестройки и поражает точность названия его сборника 1991 года – «Смута» и очень любопытное следующее стихотворение:

Опять в революцию нас засосало –
Окрашивать флаги и вены вскрывать?
Кому-то охота опять с пьедестала
Нас, будто волков, головнями пугать.

Своих ВПШа покончив ликбезы,
На вечные льготы вписав имена,
Шевелятся по-Достоевскому бесы,
И домавтолейной стала страна.

Почувствовав точно – корабль закачало,
Чтоб с нами морскую болезнь не делить,
Другая орава с него побежала –
Дождаться, вернуться и так победить?

А многоэтажные нары гостинок
На митинги прут из кухонных углов...
Россия, «разорванная воедино»
Гражданской войною великих умов.

Опять в революцию нас засосало –
Окрашивать флаги и вены вскрывать?
Мне воздух, линияющий от краснотала,
Об этом напомнил. Напомнил опять.

Какое точное определение дал поэт, а ведь мало кто мог тогда увидеть возможные последствия новой революции. Тогда к ленинским нормам возвращались!.. Так интересно находить в этом сборнике реалии того времени, и я с удовольствием ещё процитирую его «Март»:

Напугал этот град подмосковное небо.
Чёрной тучей оскалился край.

Наподобие злого собачьего нёба,
Зарычал: не пугай! не пугай!

А берёза без листьев к нему потянулась,
Ель дрожаще прижалась – к нему.
А ворона районная в нём потерялась,
И район стал не видим окну.

Но не долго под градом скрывало округу.
Возвратились берёза и ель.
И пришёл, улыбаясь, на смену испугу
Доброты обжигающий хмель.

Это длилось в течение сказанной фразы.
И, как будто из ближней Москвы,
Прилетел в Подмоскowie, согласно указу,
Дорогой алкоголь синевы.

Современный читатель и не поймёт загадочный смысл последней фразы, но люди старшего поколения вспомнят километровые очереди в винные магазины, стоящие в домах бутылки с натянутыми резиновыми печатками «Привет Горбачёву» и прочие забавные детали борьбы за трезвость. Последняя кампания ушедшего непонятого, но привычного и по-своему уютного мира. Современная, теперь уже «демократическая» пропаганда всячески преувеличивает и несвободу советского периода, и уровень его заидеологизированности, хотя ещё Александр Галич посмеялся над этим в своей известной песне. Вот и у Донбая есть совершенно верная оценка того мира в его «Воспоминаниях о научном коммунизме»:

Славные ночи летели над нами!
Каждую ночь я помню на память.
Гаснул фонарь во дворе института,
Губы твои опухали под утро,
Ты мне шептала, пугаясь объятья:
Как же теперь я пойду на занятия?
Все ведь увидят и все ведь поймут...
Но не считала прощальных минут:
Ладно, ещё хоть чуть-чуть постоим –
На коммунизме научном доспим...
Не было лучше для нас дисциплин!

Поспать ещё можно было и на политэкономии, но это третий курс, а научный коммунизм на пятом! Но было и поразительное ощущение у

поэта чего-то тёмного, незримо разлитого в обществе, как в стихотворении «Сухие грозы...»:

Сухие грозы, мнимые дожди,
Горит земля, и в горле пересохло.
Так непомерно набралось вражды,
Что тесно жить от выдоха до вдоха.
И ненавистью воздух заражён.
И помыслы враждуют насмерть с речью.
И взгляд огнём холодным подождён –
Не согревает душу человечью.
Едва заметны дружбы миражи,
Улыбки, прикрывающие ярость...
Объявлен комендантский час вражды!
В том часе – поколение затерялось.

Под стихотворением стоит дата – 1987 год. Время, когда пышно праздновалось 70-летие Октябрьской революции; воспевалась великая дружба народов и вообще уже и сложилось нечто необычное – «советский народ». Но сердце поэта – уникальный сейсмограф...

Позднее появится у Сергея Донбая и религиозная тематика – «Апокриф», «Прощёное Рождество», «Мы от Ковчеха до Ковчеха...» и другие. И вот перед нами последний его сборник «Силица» 2006 года, и нужная нам вторая часть с её «русской дорогой»:

Дело было в бурю,
И мужик с лошадкой
Потеряли сбрую,
Ум, телегу с шапкой.

А потом, а после
В лавке притрактовой
Он коньки отбросил,
А она – подковы.

Кости, холм могильный ли –
Не нашла хозяйка.
Канули, как сгнули,
Лишь в народе байка.

Русская дорога,
То мороз, то жарко.
Мужиков-то много...
А лошадку жалко.

Отмечу, что дорога – тоже один из символов нашей культуры. Ведущая уже давно в никуда, хотя и неслась когда-то Русь в тройке Гоголя... За последние годы идёт какая-то вакханалия, связанная со Второй мировой войной, и даже наш бывший президент извинялся за неё перед Европой! А Путин извинился за взятие при Иване Грозном Казани! Бред какой-то. Не поймёшь, то ли смеяться, то ли плакать... И, насколько я понял из средств информации, нашу делегацию даже не пригласили во Францию, когда отмечалась годовщина высадки союзников в Нормандии. Молчать об этом нельзя, особенно поэту, и Сергей Донбай, ранее не писавший подобных стихов, откликнулся «Вторым фронтом»:

Когда мы под самой Москвой
За землю свою погибали,
Тогда вы нам тем, что второй
Откроете фронт, помогали...
Мы сами в Европу вошли.
Мы смерть за нее принимали.
Вы все еще были в дали.
Вы все еще нам обещали.
Когда же мы кровью своей
Досыта войну напоили,
Вы фронт свой открыли скорей –
Как будто на праздник спешили!
Тепло ли вам было вдали,
Когда на правах чемпионства
Вы сразу два солнца зажгли
В Стране восходящего солнца?
Раздвинул расчет горизонт:
Вы в звездах окопы отрыли...
Когда-то открыли вы фронт –
Закреть до сих пор позабыли.

Хотя и говорит русская пословица о необходимости удаления глаза при припоминании старого, но здесь поэт абсолютно прав и не нужно забывать нам великого Пушкина, эпитафия из которого приведён в стихотворении. Я бы ещё вспомнил другое его пророческое:

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего раздавят
И прочь пойдут, и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой...

Как хвалили «гяуры» Горбачёва, Ельцина и им подобных...

И последнее. Поэт по образованию архитектор, отсюда часто встречаемые в его стихах образы архитектуры. Я уже приводил стихотворение о соборе святой Анны в Вильнюсе, есть и другие. В том числе и самое нам нужное – «Ангелы Петербурга» с нашим Китежем:

Фёдор Михалыч в картишки
Всё, да не всё проиграл.
Чайка сидит на крыше –
Это тебе князь Мышкин
Душу-привет послал.

Город событием дышит:
Снова «Зенит» сыграл,
Как Достоевский выше.
Ангел на телевизшке,
Видимо, прозевал.

Тянет клешни на Невский
Храм, как огромный краб.
Копит Неве-невестке
Весь антикварно-веский
Санкт-Петербургский свой скарб.

А за проспектом Невским
Александрийский столп
Зимнему крестит лоб –
Ангелам поднебесным
Больше общаться не с кем.

От колокольных спиелей –
От золочёных шпаг
Солнца глаза слепили,
В колокола не били –
Небо звенит в ушах.

Мирно, при полном штиле
Видит седой Кронштадт
Те золочёные шпили –
Вроде бы и не пили
Крови на брудершафт...

Ты приглядишь, увидишь,
Ангел крылом ведёт –
Это же тот же Китеж,

Каменный русский Китеж –
Град среди невских вод.

Ангел, а вдруг зевнёт?..

Что означает возможный зевок ангела? Гибель города, уход его под воду, как пророчили враги Петра ещё в 18 веке? «Петербургу быть пусту», – прокляла город опальная царица Евдокия... Не будем гадать, тем более в одном своём стихотворении поэт предупредил возможные последствия этого:

Если увеличить дерево,
То дом, стоящий рядом,
Станет меньше.

Если увеличить дом,
То в нём будет жить
Больше людей.

Если увеличить муху,
То, как известно,
Может получиться слон.

Если увеличить зарплату,
То от претендентов
Не будет отбоя.

Если увеличить смех,
То может получиться
Гром.

Если кому-то захочется
Увеличить это стихотворение,
То это сделать проще пареной репы...

Но если попытаться увеличить мысль,
То ничего из этого не получится!

Отмечу только, что снова, как и у Геннадия Юрова, – возникает параллель: Китеж=Петербург...

Вернёмся теперь в Новокузнецк и обратимся к творчеству прекрасной поэтессы Любови Алексеевны Никоновой. Вероятно, её стихи, по крайней мере значительную часть, можно отнести к православной поэзии; есть сборник «Живые Родники» (1997 г.), определяемый как «духовная

поэзия». Посвящённых Китежу стихов у неё нет, по крайней мере, я не нашёл. Может, плохо искал... Но Китеж упоминается в сборнике 1997 года в предисловии автора:

«Это главная любовь – Россия, земная и небесная, окаянная и святая, понятная и непостижимая, уходящая в небытие и воскресающая для новой жизни... Вот она, как уже не раз случалось в нашей истории, всё глубже и дальше скрывается от вульгарной стихии вышедшего из берегов, наслаждающегося грехом Вавилона. Как святой град Китеж, погружается в те прозрачные воды, «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная».

Но оттуда, из глубин неоскорбляемых, не доступных осквернению, исходит непрерывное свечение.

«Что сквозит и тайно светит в наготы твоей смиренной...» – догадывался Тютчев.

«Что сквозит»? Свет Красоты, Правды, Божественного присутствия».

Мотив невидимой России, небесного Града встречается в таких стихотворениях, как «Летел, летел собор над лесом...», а вот ещё одно стихотворение этой тематики:

...Как нести этот крест, это бремя?
Сколько сильных, неробких сломилось...
Но в такое-то трудное время
и свершается Божия милость.

Беззаконье сполна наплывает...
Тем верней в метафизике битвы –
лишь на Бога душа уповает,
горячее возносит молитвы.

И выходит она на просторы.
Где бояться и плакать не надо,
где всё ближе сияют соборы
золотого Небесного Града.

Отмечу, что Град Небесный – вариант Китежа подводного, они дублируются... А верность православию – это верность России, степень же нашей религиозности, если так можно выразиться, определяется не нами... Впрочем, это моё мнение, которое можно оспорить... Кстати, бытующее о христианстве представление как некоей религии страдания основано на незнании. Христианство – религия радости, отсекающая такие желания, как зависть, корыстолюбие и прочие, обуявшие многих наших современников. Об этом забавное стихотворение поэтессы:

...Из зазеркалья человек
имеет несколько сердечек,
три глаза, полтора желудка,
два разномыслящих рассудка,
тринадцать психик со смещением,
привыкшим к перевоплощениям...
А что ещё многообразно –
о том и молвить неприлично.

Любовь Алексеевна руководит долгие годы детской литературной студией «Зёрнышко», вышло три сборника творчества студийцев и со стихами самой руководительницы. В одном из них есть любопытное стихотворение «Взошла по лестнице ковровой» с такими строчками:

...А я – посланница сокрытой,
ушедшей в монастырь страны...

Действительно, христиане сейчас, да и весь 20 век – некие китежане, жители незримой страны... Только сейчас за веру уже не карают, а пытаются её купить, как в стихотворении «Только крест на груди у меня...»:

Только крест на груди у меня...
Это мало, меркантильная служба сказала.–
Крест без денег не в моде сейчас.
Слышишь трубы судьбы огневые?
Это деньги звенят мировые
и толпятся народы у касс...

Я согласна. Я слышу. Я знаю.
Ослабевший костёр заливаю
неживою водой из реки.
Ум завяз в философских вопросах.
Я бреду, опираясь на посох,
и в лохмотьях бренчат медяки.

Вдруг – торговец. Вещает, спасая:
«Околеешь ведь, баба босая!
Холод-голод нутро твоё съест.
Видно, с миром ты в сильном разладе.
Так и быть уж, экзотики ради.
Я куплю твой бессмысленный крест».

Что в ответ? Не продам? Это ясно.
Не торгуйся, торговец, напрасно

и дорогой своею иди.
Объяснить мою волю несложно:
отделить этот крест невозможно –
врос он в грудь, растворился в груди!

А оттуда – отнюдь не наружу –
он пророс уже в самую душу.
И попробуй его оторви!
Не прожить на земле этой смутной
без богатств нищеты абсолютной,
без сокровищ Христовой любви!

Снова Китеж появляется в книге «Мир благословенный». Большая часть книги посвящена природе и воспоминаниям детства, с ней связанными. Своего рода лирическая проза... Это Поволжье, деревня Владимировка в заволжской степи. Там, кстати, был и православный храм, единственный на огромном пространстве, и память о нём врезалась в особое детское сознание. В детстве мы в раю...

...И там, в той местности далёкой,
в том незапамятном краю
простое озерцо с осокой
играет скромно роль свою.
В том озерце элементарном,
со взрослой рыбкой заодно,
парит, причастный общим тайнам,
малёк с пшеничное зерно.

Впрочем, во Владимировке давно нет и этого непритязательного озера. Пересохли здесь все озёра, покрылись степными травами и стали обыкновенными пастбищами. Можно сказать, что владимирские стада пасутся на дне озёр. И всё-таки озёра не исчезли бесследно. Мы не знаем, куда ушли их карпы и караси в золотой и серебряной чешуе: может быть, по подземным водоёмам они перекочевали в озёра других краёв; или не успели уйти и окаменели и теперь попадают нам в виде распространённых космических камешков. Но где-то в мире они всё-таки есть. Мы многого не знаем. Однако от озёр остались легенды о провалившихся под воду селениях и сказания о кладах. Осталось понятие «Чёртовы озёра». Остались сказки о странных обитателях озёр – загадочных чудовищах – не то змеях, не то черепахах причудливого обличья. Их местная слава несравнима с фантастической популярностью знаменитой Несси, и всё-таки безвестная водяная кикимора из давнишнего владимирского озерца нам ближе, нежели загадочная

суперзвезда – монстр из Лох-Несс, избалованная вниманием газет и телевидения».

Замечу, что и Светлояр считается соединённым с Волгой, да и чудовища там временами видят... Так что мотив Китежа в творчестве Л. А. Никоновой не случаен, а в очерке «Вагон-церковь» мы читаем такие строки:

«Наследие православной цивилизации, с которой так круто обошёлся 20-й век, часто сравнивают с затонувшим градом Китежем. Погибло не всё. Скорее, произошло как бы таинственное погружение православного царства в некую особую среду, «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная».

Церковь на колёсах обслуживала прихожан Сибирской железной дороги, имела свои Царские врата, иконостас, другие иконы и утварь. ... «Она сгинула в огне революции, разделив трагическую участь Великой княжны, в честь которой была построена, – так хоть словесный её образ должен быть донесён до новых поколений».

Что и сделано в очерке. Любовь Алексеевна, мне кажется, единственная поэтесса края с такой ярко выраженной православной направленностью, хотя, естественно, у неё есть и другие стихи...

В сборнике «Свет неотступный» представлены «Лики Родины в стихах и фотографиях», и на одной из страниц, мне кажется, есть прекрасная фотография озера детства, о котором ранее говорилось, со следующим стихотворением:

Здравствуй, облачко белое, здравствуй!
Видишь, дышит тобой озеро
И в тени твоей снежно-прекрасной
Утомлённое прячет лицо...

Наслаждаясь коротким свиданьем,
Отраженьем твоим завладев,
Повторяет пред всем мирозданьем
Свой наивный любовный напев:

«Этой радости я не скрываю,
Мыслей трепетных я не таю –
И слезами любви омываю
Лебединую душу твою...»

Впрочем, таких озёр в сборнике этом шесть, – отсюда мои сомнения – какое из них?

Как я уже отмечал, в детстве мы в раю и не случайно взросление иногда сравнивают с потерей этого рая и желанием туда вернуться, пусть мысленно и на мгновения. И оживает ушедший чудесный мир в местах

этого детства. Так и у Любви Алексеевны в данном сборнике, поэтому я позволю себе привести ещё пару стихотворений из него. Например, «В моих любимых даях милых...»:

В моих любимых даях милых,
Где вижу птиц я сизокрылых,
Где взгляд мой осторожно-чуток
К восторгам нежных незабудок,

Там, только там душа живая
Находит первообраз рая,
И только там она согрета
Лучами ангельского света.

Но почему должна оттуда
Я унести святое чудо
И тратить этот дар доньне,
Чтоб просто выжить на чужбине?

Мой ангел, сколько лет и чисел
Я отдаю твой волжский бисер
В холодные чужие руки...
Неужто нет конца разлуке?

И отвечает Ангел Света:
«Тебя пусть не заботит это,
Хотя и нет судьбы больнее, –
Ведь Богу всё-таки виднее».

Но вновь и вновь стремятся взоры
Пройти сквозь дали и просторы,
Чтоб там, в краях любимых, милых,
Увидеть птичек сизокрылых...

Мне здесь вспомнилась Синяя Птица счастья Мориса Метерлинка, приходящая к нам во снах и местах детства. И известное стихотворение Фёдора Ивановича Тютчева:

О бедный призрак, немощный и смутный,
Забытого, загадочного счастья!
О, как теперь без веры и участия
Смотрю я на тебя, мой гость минутный,
Куда как чужд ты стал в моих глазах –
Как брат меньшей, умерший в пеленах...

Тютчев не принимает этот потерянный рай, и не он один. Тогда ещё тяжелее становится в мире настоящего, также, как многие люди избегают встречаться со своими сверстниками – бывшими одноклассниками, однокурсниками. Как на кладбище сходил, – мрачно констатировал подобные встречи один мой знакомый. И в этом есть доля истины... Л. А. Никонову подобная встреча не пугает. Может, подобное обращение связано с христианской верой и словами Христа: «Если не станете как дети, – не войдёте в Царствие Небесное». А вот ещё одно прекрасное стихотворение на близкую тему:

Сердце ловит намёки на чудо.
И сознания касается зов,
Приходящий почти ниоткуда,
Уходящий в глубины миров.

Или это в серебряной неге
Изливают волнующий свет
Камни, вечно живущие в небе,
За грядой нерастрченных лет?

Или это мелодия только? –
В незапамятном отчем краю
Летней ночью свистит перепёлка:
«Фить-пирю, фить-пирю, фить-пирю...»

Или память, собравшись в комочек,
Смутно слышит, как где-то вдали
«Однозвучно гремит колокольчик»
Над равнинами Русской земли?..

Всё-таки приведу ещё одно стихотворение – «Дорога в монастырь», напомнившее мне «Батыеву дорогу» на пути к святому граду, который уже близок:

Молитвенная логика дороги:
Мы входим в неземную даль и ширь.
Напоминая странникам о Боге,
Белеет чуть заметный монастырь.

Смиренно и доверчиво, как дети,
Глядим в прозрачный световой объём.
К нам скоро прикоснётся Тихий Свете
Святым необжигающим огнём.

Мы долго шли. Одежда изнасилась,
И лица ненароком отцвели,

И молодость, и зрелость растворилась
В дорожной нескончаемой пыли.

Но как легко нам дышится сегодня
Здесь, от сует, от шума вдалеке...
И ласка милосердная Господня
До нас доходит в тихом ветерке...

Что тут скажешь?.. Блажен, кто верует, тепло ему на свете... Я неохотно прощаюсь с Любовью Алексеевной, хотя и осталось желание процитировать ещё ряд её стихотворений...

И следующим нашим поэтом будет Анатолий Васильевич Первушин. К сожалению, имя поэта малоизвестно любителям поэзии, так как его единственный сборник стихов вышел в Новосибирске в 2007 году под псевдонимом «Никто», да ещё готическим шрифтом, что автоматически сделало его, сборник, нечитаемым. Курсив-то с трудом глазом воспринимается, не то что готика... Да и был уже в русской поэзии «Никто», зачем ей два «Никта»? Хотя сам он – человек в Новокузнецке довольно известный, хотя бы по философскому клубу «Экзистенциал», который он ведёт в интеллектуальном центре нашего города – Гоголевской библиотеке. Что касается его курсов философии на разных факультетах нашей Академии, то отношение к нему будет, выражаясь философским языком, амбивалентным – от живого интереса до тихой ненависти, называемой, в мягкой форме, раздражением. Что поделаешь, тут виновата сама философия! Ему принадлежит ряд монографий, в частности «Действительность умопостигаемого», посвящённая выделению феномена «умопостигаемого» у досократиков и вышедшая в Новокузнецке двумя изданиями, и я с удовольствием приведу отрывок из неё: «...Можно считать глазами или перед глазами, – думают некоторые. Если владеешь искусством счёта, то, действительно, можно, а если нет, то нельзя. Глаза всего лишь свидетели, да и те, чаще всего, плохие. Нельзя увидеть того, что не несёт на себе печати ЕДИНОГО или общего, нельзя увидеть неопределённое. Все познающие мучаются и маются в бессильных и тщетных потугах постичь невидимое и беспредельное посредством предела (определения) и образа (представления).

Но если увидеть и определить невидимое и беспредельное нельзя, как нельзя отыскать им знак (значение) и образ, если путь мысли к беспредельному не «от...», а «в...», то можно ли из многого познать ЕДИНОЕ, ничего не меняя в познавательной операциональности? Если

путь к беспредельному и ЕДИНОМУ требует не отталкивания от определения, а вхождения и растворения в определённом, то можно ли хотя бы из частей синтезировать целое? Или такое целое всегда будет иллюзией и самообманом? Можно ли увидеть знание, соединяя части? Можно ли речь наполнить пустыми словами? Может ли количество слов породить речь? Мы наполняем речь мыслью или изначальная наполненность делает нас мыслящими и говорящими?

Если ЛОГОС не несёт в себе полноты и целостности (т.е. если ОН не касается беспредельного, а мы не обращены в себя), то никакими прямыми и поверхностными усилиями наполнить ЕГО и придать ЕМУ целостность невозможно. Коль нет стремящейся к беспредельному души, то и глаза не помогут. «Многознание уму не научает», – говорили древние (Гераклит и др.). Из способности видеть мысль не возникает. Знание и видение есть результат и следствие. Умножая знание, нельзя поумнеть. Всё наоборот: знание (знак) мы ставим как метку на то, что уже было кем-то или нами помыслено (о-пределено). Видим мы только то, что уже было кем-то или нами помыслено. И увиденное мы можем помыслить лишь потому, что, раз мы его увидели, то значит, оно уже было помыслено. Непомысленное мы не можем видеть, а значит, и познавать. Познаём мы только то, что уже было помыслено кем-то другим (и тогда мы называем это обучением) или нами, а это мы обозначаем как творчество. (О том же говорит, применительно к своей «декартовской» модели познания, и М. Мамардашвили.)

Можно сказать, что живём мы в МИРЕ, который был уже до нас помыслен. Мы живём в чужом мире. Можно попытаться породить свой МИР. А можно ли помыслить то и так, что и как уже не было бы домыслено до нас? Или мы заданы и в своём помысле? Если мысль касается беспредельного, значит, в мысли мы можем обрести свободу от тех проявлений мысли, в которых выявляет себя наш мир с его определениями и законами.

В мысли мы можем отменить существующий мир, дело останется за малым – за тем, чтобы утвердить мир свой, а это-то и есть самое невозможное дело.

Чтобы познать уже существующий МИР, нужно обратить себя (обратиться) к тому познанию, в котором он уже явил себя, и прикоснуться к той мысли, которая породила это знательное явление мира. (Без этой мысли мы не сможем увидеть мир таким, каким он был познан, чтобы познать его.)»

Вот она – настоящая философия! Мой несчастный компьютер весь покрылся красными пятнами! Мало что понятно, и это грустно... Поумнеть-то многим хочется... Или нет? Думается, что правилен второй ответ, ведь ещё Марк Твен заметил, что все жалуются на свою память, но

никто ещё не пожаловался на свой ум... Впрочем, философия живёт только как традиция устная, и всё приведённое интересно слушать от самого А. В. Первушина, – читать же не очень... Замечу ещё, что «два медведя в одной берлоге не живут», и после отъезда в Ханты-Мансийск Алексея Эдуардовича Савина Анатолий Васильевич остался единственным философом в городе, – видимо, одного философа на город вполне хватит. А, может, и одного много! Тем более, что просто «любящих мудрость» тоже достаточно... Привёл же я эту достаточно длинную цитату для пояснения – и поэтическое творчество его носит, так сказать, «философский» характер. Он не исключение: вспомним Тютчева, Соловьёва и других.

Творческой удачей А. В. Первушина является его первая монография «Становление чувственности». Автор рассматривает в своей книге творчество Гомера («Одиссею») и Катулла. Я не буду цитировать само исследование, которое явно нуждается в переиздании, отмечу, что там есть и размышления самого философа, например, любопытно его рассуждение, что «речь предшествует сексуальности как её формирующее начало. Речь выносит в формирующиеся отношения сердечность и чувственность. Потому и Одиссей предваряет сексуальное отношение к Пенелопе «сладкими беседами». Без этого и «сердце молчит» и чувства спят. /роль поэзии и литературы в становлении чувственности и сексуальности/. (Но это только та речь, которая «выражает», то есть идёт от сердца. Есть ещё речь, которая не несёт, а создаёт (пытается создать). Такая речь есть сама сексуальность. Она пуста и поверхность. Но иногда она захватывает в свой разворот. Кто попадает в её сети: надежда, ожидание, страх, одиночество, иллюзия, фантазия и т.п., то есть все порождения этой речи».

Ранее эти мысли обосновывались в главе о встрече Пенелопы и Одиссея, на которой Пенелопа «молчала». Ещё бы! Двадцать лет они с мужем не виделись – и какая тогда сразу любовь постельная? Гостей беззащитных всех поубивал... Да и после речей ему пришлось менять облик, одежду, а до своего преобразования он был в образе нищего старика. Так что Гомер – и вместе с ним А. В. Первушин – слишком многого хотят от женщины... И ещё мне вспомнился расхожий афоризм, что «женщины любят ушами, а мужчины глазами». Так что вначале философ излагает схему привычную, хотя, на практике, мало применяемую. К чему-то похожему пришёл в своё время Владислав Ходасевич:

... Что верно, то верно! Нельзя же силком
Девчонку тащить на кровать!
Ей нужно сначала стихи почитать,
Потом угостить вином...

С «вином», в его национальном водочном варианте, у нас вроде всё нормально, а со стихами проблемы. Да и жену, заметим, тоже не надо туда тащить, тем более прождавшую двадцать лет Пенелопу... «Речь» же нужна в любом случае, – согласимся с Анатолием Васильевичем...

Вторая же часть абзаца наполнена загадками, как, вероятно, и любая творческая мысль. Остановился же я на данной книге, так как там даны в приложении стихи русских поэтов об Одиссее и два венка сонетов самого Первушина. И подписан «Венок странствий» псевдонимом Ник.То, – вот откуда идёт последующий псевдоним. К сожалению, у меня нет возможности привести эти сонеты полностью, но несколько сонетов дам, тем более, что больше они не публиковались и не вошли, напрасно, даже в его большой сборник:

1

В гомеровом пространстве погибая,
Я разум натруждаю как Сизиф... –
Что для других история и миф,
То для меня судьба моя другая.

Её от глаз и мира сберегая,
Я нарастил себя как море риф.
В глубинах слова сердце растворив,
Ищу напрасно друга и врага я.

Дав обезьяне силу попугая,
Немой, я становлюсь красноречив
И сам с собою расстаюсь со смехом...
Поэму странствий собственных слагая,
Иду я в океан забытых чтив
В его глубинах отдаваясь эхом.

2

В его глубинах отдаваясь эхом,
Я слову жизнь свою передаю
И как гребец спускаюсь в ту ладью,
Которой даже боги не помеха.

Здесь верному дан сердцу милый друг,
Огонь любви и страх перед судьбою.
Здесь каждый должен стать самим собою
Став не двумя, а лишь одним из двух...

Когда меня здесь покидает дух,
Страх понуждает принимать решение,
А спутники – как воробьи по стрехам...

И нету сил – огонь в груди потух –
И близок час платить за прегрешенья...
Я возношусь к надеждам и успехам.

8

Любовь, что затуманит стих стихая,
Вела меня, спасая и губя,
В служенье ей я забывал себя
Её причудам глупым помогая.

Изведал злую долю моряка я –
Удел шута в трагедии богов, –
Где вместо сцены зыбкость берегов
В глубинах сердца без конца и края.

Играл ли я, иль кто-то, мной играя,
Разверз Харибдой чёрный омут снов,
Как Сцилла, без разбора пожирая
Всех, в ком любовь свою воспламенил...
Любовь вела... иль сон меня манил
Стихиям и мой разум увлекая.

Ключ

15

В гомеровом пространстве погибая,
В его глубинах отдаваясь эхом,
Я возношусь к надеждам и успехам
Скорбящею душой изнемогая.

В зеркальном отражении стиха я
Сокрою сердца пламенный порыв,
И слово оживит, в себе сокрыв,
Любовь, что затуманит стих стихая.

Стихиями мой разум увлекая,
Ещё на миг игру безумств продлив,
Она исчезнет в омуте зеркал.
И я вернусь, по ходу замолкая,
Ушедшего назад не возвратив,
И обретая то, что не искал.

Сам поэт и есть Одиссей, как можно понять, странствующий в океане мысли, в тёмных пространствах гомеровского эпоса. И если эпический Одиссей знал, к чему он возвращается, то здесь нельзя предвидеть, с чем встретишься...

Обратимся теперь к его большому сборнику. Судя по указанным датам (не везде), его творчество поэтическое делится на два этапа – восьмидесятые годы и, после значительного перерыва, стихи к нему возвращаются с начала века. Ранние стихи не то, что подражательны, но являются как бы частью поэтической традиции, например, можно увидеть внимательное чтение его любимых поэтов, таких, как Цветаева, Вийон, Омар Хайям, итальянские поэты Возрождения. Например:

Твой путь один: Звать боль на битву с болью,
Тягчить себя, чтоб лёгкость обрести,
То уменьшаться, то опять расти,
И вечно издеваться над собою.

Нить оборвав, как кружево плести
Реальность духа, что зовут Любовью.
Служа одной, извечно жить любою
Преградой, вставшей взгляду на пути.

Бросая, как не нужное почти,
Единственное, что ценить бы мог
И знать, что сам ты тот злосчастный Рок,

Довлеющий, как кара, над тобою.
Ты правишь им и, следуя ему,
Стремишься к свету, а находишь тьму.

Сразу вспоминается «От жажды умираю над ручьём»... Встречаются мотивы усталости и смерти, как, к примеру:

Немного отдано поэзии,
Но много отдано Любви.
Дух заблудился меж созвездьями,
Как сам я, верно, меж людьми.

Гляжу устало и измученно
На жизнь свою и без светил:
Взамен сполна давно получено,
Я ничего не получил...

Если поэт не получил ничего (а что он, кстати, хотел?), то сполна получено что и кем? Загадка... Но, отмечу, когда ещё и писать о поблекшей жизни, как не в молодости! Или в другом стихотворении, из которого процитирую отрывок:

Да, я устал, чертовски надоела
Мне эта жизнь фальшивая во всём.
Да, я живу, а Вам какое дело...

Вам с большой буквы, то есть, вероятно, оно обращено к неизвестной нам женщине. Но, в любом случае, мне кажется, ей до этого действительно нет дела, можно об этом и не сообщать нам... Хорошо бы и получить полное перечисление «фальшивостей» этой жизни! Сомнительно утверждение поэта в другом стихотворении, что «поэтов не питает Муза», а, так сказать, голодный живот. Тогда число поэтов в России должно быть невообразимое количество, а их маловато...

Поэту, насколько можно понять из самих стихов, – близка музыкальная стихия, и ряд его стихотворений можно сделать песнями, например, следующее:

Бегут и бегут по кругу,
томясь, за ночами дни.
Ты жизнь мне свою, как руку
дрожащую, протяни.

Ты просто уйди со мною
молчаньем в ночную мглу,
где холодом за спиною
ползёт тишина к стеклу.

Не жди моего признанья,
склоняясь сквозь сон к плечу,
в объятья того молчанья,
в котором тебя ищу.

Губами коснись неслышно,
тревоги сними с чела,
чтоб молча из сердца вышла
слепая ночная мгла.

Чтоб ночь не боялась света
и таяли в пальцах рук
тела, содрогаясь в этом
биенье сердечных мук.

И боль в глубине мерцала
бездонных, как мрак, очей.
Чтоб мне тебя не хватало,
томящейся и ничьей.

Чтоб медленно отвечая
велению своему,
Луна как обет молчанья
звала и вела во тьму.

Сквозь звёздные мироздания
в невидимые миры.
В безудержного желанья
сжигающие костры.

И Ветер стонал, чуть плача,
пугаясь и трепеща,
уже ничего не знача,
не ведая, не ища...

И сердце, от ласк немея,
ловило то стон, то крик,
препятствовать не умея
тому, кто в него проник...

И медленно обрывая,
как листья с холодных крон,
снимала бы ночь немая
с молчанья то крик, то стон.

И билась бы неживая,
пытаясь соединить,
во мгле своей прозревая,
любви онемевшей нить.

И круг разорвать не в силах,
любви этой так близка,
дрожала бы в пальцах милых
протянутая рука...

Есть ещё ряд подобных «песенных» стихов, например, « Наверно, тебя
сквозь пространства я слышу...» Поэту близки два, в общем, разных
мира – античность и европейское средневековье. Причём если его
научные интересы связаны с античным миром, то стихотворений на
данную тему мало, – кроме уже приводимого «Венка странствий» только
«Уроки Кагулла»... А средневековье – это венки сонетов «Данте»,
«Смерть», «Любовь», мелькнут и провансальские трубадуры, есть «Готы»
и, наконец, удачные ритурнели. Самые разные – печали, надежды и

разлуки, тоски и разлуки, тоски и смерти, даже есть «падшего духа». Или с такими забавными названиями, как «подтянутого желудка», «продажного смеха», «лысеющего затылка», «падения больной головы на здоровую»... Приведу один для знакомства – «Ритурнель соринки в глазу»:

Не моргай, не моргай,
всё равно из тебя я не выпаду.
На слезу не дави,
я упорно под веком сижу.
Лучше руку подай,
пригласи, как положено, к выходу,
А что делать с тобой,
я сама уже дальше решу.
Ты мне близок своей
исходящей от века открытостью.
Я, признаюсь тебе,
и сама откровений полна.
И не пробуй меня
слюнных желез травить ядовитостью.
Выйдет боком тебе
ядовитая эта слюна.
Лучше просто поплачь,
я на плачи с рожденья отзывчива,
Может, выйду сама,
если станет слеза горяча...
Зря рукой не ласкай,
а то стану я в помыслах сбивчива,
Лучше правду руби
прямо с глазом рукою сплеча.
Чтоб не стала бревном,
ты в чужие глаза не заглядывай,
Лучше сор выметать
из избы своей сразу начни.
Наклонись и шепни
мне: – «Скорей, моя радость выпадывай»,
Глаз немного прищурь
и легонько ресницу качни.
Я легка на подъём,
если боль тебя страшная мучает,
Убегу, так и быть,
и меня ты назад не зови.

И наполнится глаз
 без меня твой слезою горячею,
Говорят, что она –
 верный знак безответной любви.

Вроде ресницу выпавшую назад не зовут... Или стихотворение о любви и ресница – женщина? Такая тогда наша странная земная любовь – плохо друг с другом, но и не лучше при расставании... Впрочем, это только предположение...

Интересен его цикл «Гороскопы», но они по объёму велики, отрывками же цитировать не хочется. Дважды в тексте снова мелькнул псевдоним автора, основанный на игре слов, как в таких строчках из «Готов»:

...Мы – дети страны,
 из которой Ник.то
Ни разу ещё
 в этот мир не вернулся.

И ещё раз в «ритурнеле тоски и смерти»:

Встречи были грустны,
 на прощанье рук мы не подали.
И Ник.то не стоял,
 не смотрел уходящему вслед.

То есть псевдоним не случаен, так же, как и отказ автора, в частности, публиковаться в разных альманахах и журналах. Между тем, мне кажется, быть известным – естественная потребность поэта, как прекрасно сказано в «Беседе» Семёна Липкина:

– Я желанием призрачной славы пылал,
И не в том ли мой грех, что я славы желал?
– Сам в тебе Я желание славы зажёл,
Этим пламенем чистым пылает пророк...

Поэтому я и остановился на творчестве А. В. Первушина, – чтобы побудить любителей поэзии обратиться к его творчеству, благо книги его в нашей библиотеке есть. В заключение же приведу его «китежское» стихотворение. Оно не опубликовано и любезно передано мне автором:

Как во граде было дело
да во Китеже.
Там расхаживала дева
ой, да неглиже...

Босиком по дну ступала,
да гнала волну,
Ой, душа моя запала
да на неё одну...
Что за дивная красotka,
что за взгляд, за жест...
Ох, была бы она чётко
первой из невест.
Я по дну за ней ступаю –
чувствую – тону.
Утоплю, не искупаю
тело в глубину...
Стану сам подводный житель
неземных палат,
что за райская обитель
этот Китеж-град.
То ли плата, то ль расплата
всем там предстоит...
Ох, по ком в лучах заката
колокол звонит?..
За кого незримо бьются
рати высших сил?
Надо мной вода как блюдце –
девы ж след простыл...
Ох, же где вы, где вы, где вы
райские сады?..
Доведут же всех нас девы,
братцы, до беды...
И зачем же они ходят,
взглядами дарят?
Так с ума нас всех и сводят
в этот Китеж-град.

Мне кажется, что китежанка поэта – скорее «Свитезянка» баллады Адама Мицкевича, русалка бесхвостая... Это возможно, в Китеже есть и языческое начало, само озеро возникло от копыта загадочной девы Турки... Хотя, чтобы увидеть неодетую деву, необязательно спускаться на дно озера, достаточно включить телевизор! Впрочем, здесь речь идёт о личной встрече... Оставим однако за поэтом право по-своему видеть мир...

Обратимся теперь ещё к одному поэту, Николаю Бабкину. Автор – профессиональный шахтёр, первые стихи стал издавать, когда перешагнул шестидесятилетний возраст, отмечает автор предисловия к его последней книге Алексей Бельмасов. Но поэтами, как известно, рождаются, а стихи его достойны чтения и изучения. Вышло четыре его сборника, я использую последний – «Странички природы», вышедший в Ленинске-Кузнецке в 2006 году. Уже название книги говорит о главной теме творчества поэта. Красоте природы посвящены такие стихотворения, как «Белый конь»:

Пьёт воду
Белый конь
 на перекате,
По небосводу,
Высоко над ним –
Сиятельное солнце
Ладно катится
И бытию поёт
Свой дивный гимн.

Из ободов колёс
Слепящей колесницы
Златые спицы сыплются, потом –
Они становятся
Как бы жар-птицами
И на воду садятся за мостом,
Бесшумно плещутся
На мелководье брода,
Где Белый конь
Неторопливо пьёт
Согретую огнём небесным воду,
И соловей в черемухах поёт.

Гимн бытию поёт не только солнце, но и поэт! Конь же явно волшебный, он же и солнце... Есть у Николая Бабкина и другие прекрасные стихи о природе, например, следующее, без названия:

Ночь торжественно спит.
Рассыпаны звёзды в пруду
И струится в глаза мне
Их глубинный,
 зовущий огонь,
Наклонился к воде я –

Почерпнул
ладонью
звезду,
Но звезда
протекла
сквозь ладонь.

Можно только позавидовать любви поэта и к России, и к своей малой родине, этих чувств нам, вернее, многим из нас, так не хватает:

Деревня Русская.
Зима.
Двурогий месяц,
Пастух небесных звёзд,
Играет на рожке
Для них
Задумчивую, медленную песню...
И спит земля,
И благостью небес
Наполнен Ковш небесный,
Что держит вечно полным
БОГ предвечный,
Всещедрый БОГ
в СВОЕЙ РУКЕ.

Приведём стих из цикла «Зимняя ночь». Увы, человек вносит дисгармонию в эту дивную картину Вселенной:

На улице сегодня вновь пороша,
Морозец лёгкий
Да седой куржак,
И солнце, словно красная горошина,
Не может смога слой пробить никак.
Всё:
Снег, куржак –
С утра не белое;
Всё в потускневшем старом серебре...
Ах, мать-честная,
Что ж мы, люди, делаем,
Коль даже Солнцу не даём гореть!

Приведено полностью стихотворение без названия. Интересно, что наша кузбасская поэзия слово «куржак» очень любит и часто употребляет, – почти все поэты в своих пейзажных стихотворениях... Встретив его

первый раз, я полез в словарь и узнал, что это иней и слово ещё древнерусское... Но вернёмся к нашей теме. Китеж у поэта мне встретился дважды в данном сборнике, это большое стихотворение «Есть хлеб и соль...», приведу несколько отрывков:

Всё есть
В просторах родины моей
И сам я
 растворён в её просторах:
В полях и небесах,
В воде её морей
И в струях рек её,
И в китежных озёрах.

Есть хлеб и соль,
И родники,
 и воздух синий,
И пение пчелы
На венчике цветка;
Есть белые берёзы,
И о сем в России
Поэты будут
Песни петь века!

...Есть Русь моя,
Есть радость в ней
И слёзы,
Есть мир
С водой живою в родниках,
Есть облака
На чьи-то непохожие –
О том поэты
Будут петь века!

Позавидуем поэтам, мне временами кажется, что только они ещё не разучились радоваться жизни в современной России! Последнее стихотворение в этом небольшом обзоре хочу привести целиком, оно называется «Про лето» и посвящено дочери Оле:

Носит лето зелёное платье,
Да в кайме-то платья – ромашки
По кипрееву жаркому пламени
Размашистому.

Лето, лето моё – шёлковая лента,
(Благодати Господней слава!)
Да по китеж озёрам её
Благолепно
Гуси-лебеди
Ладно плавают.

Да и машет оно мне ручкой правою,
Да поёт соловьиною песною,
Да ведёт хороводы купавные
В даль небесную,

Ай да быстра-быстра у лета походочка,
Глянь-поглянь,
Как и не было вовсе –
Уплыла её цветаста лодочка
В золотые плёсы осени.

Недавно в журнале «Огни Кузбасса» я с грустью увидел некролог, посвящённый памяти поэта. Стихи его останутся, ему же пусть будет земля пухом...

Сергей Самойленко... Вот что пишет о нём в своём предисловии к антологии «Поэты университета» замечательный поэт Александр Ибрагимов: «...На мой взгляд, одна из самых адекватных и значительных книг в русской поэзии конца двадцатого века книга Сергея Самойленко – «Неполное смыкание век». И тираж всего 300 экземпляров».

И далее, говоря о встречах на дорогах «родного города», снова отметит: «...А вот выходит из-за угла перестройки Сергей Самойленко, замотанный шарфом из терновой проволоки, содрогающийся до огненного заикания, с карманным Апокалипсисом в судорожно сжатой ладони...»

«Поэты Притомской Долины – это часть великого явления Русской Поэзии. Мне кажется, что сегодня в мире только у нас – в провинциальной России, живут и вдохновенно пишут стихи тысячи боговдохновенных безвестных поэтов. И такую книгу за полвека можно написать только здесь. Потому, что моя поднебесная Россия – это родина поэтов, граничащая с Богом, нищая окраина рая... И Русский язык – это священный язык Земли»...

Трудно судить о жизни Запада со стороны, но, похоже, Ибрагимов прав и о «смерти поэзии» пишут и сами европейцы. В журналах

попадают времена подборки их стихов, как правило, без рифмы, ритма и вообще ставящее задачу только «самовыражения»...

«Безвестность» же объясняется отношением к культуре новых наших властей, видящей в ней некую обузу для бюджета, которую желательно сбросить, благо есть предлог – «рыночные отношения», да и политикой большинства наших издателей, ставящей целью только прибыль, хотя, отмечу, не всех. Есть, к примеру, «Водолей», вернувший нам ряд прекрасных имён. Мешает и нищета главного потребителя книг – интеллигенции, ибо возникает экзистенциальный выбор двух видов пищи! Упоминаемая же книга «Неполное смыкание век» действительно, крупное явление нашей поэзии, и я к ней сейчас и обращусь. Задачи нашей небольшой книжки ограничены одной темой, поэтому отмечу, что поэт органично продолжает классическую традицию и образованный читатель легко выделит подобное влияние, как в прекрасном стихотворении «Появись я на свет с мельхиоровой ложкой во рту...»:

Появись я на свет с мельхиоровой ложкой во рту,
я б уехал из этой страны, я бы сделал ту-ту
в направленьи Парижа, я знаю, что только в Париже,
если встанешь на цыпочки, небо становится ближе.

Я читал бы в газетах о Ельцине и о Чечне,
обитая в мансарде под самую крышей, а не
на куличках бесспорно прекрасного нового мира,
где моё поколение грудью стоит у кормила.

Я ушёл бы от ваших и наших, как тот колобок,
и глядел бы, как Сена течёт под мостом Мирабо,
и, шатаясь весь день по бульварам, смотрел бы сквозь слёзы
на Париж, расцветающий в дождь, будто серая роза.

Я сидел бы в кафе, пил свой кофе, и день изо дня
видел женские ноги, идущие мимо меня,
и курил бы «Житан» натошак и пускал кольца дыма,
голова бы шла кругом, а ноги – всё мимо и мимо.

Я бы с первого взгляда узнал Утрилло и Моне
в этих улочках узких – я часто их вижу во сне,
я пьянел бы от запаха – вот как их жарят – каштанов,
непременной детали знакомых со школы романов.

Вот он, праздник, который не будет со мной никогда,
потому что не ходят на запад мои поезда,
и с рожденья во рту вкус железа оранжевой масти,
и не делится надвое сумма любви и несчастья.

И умру не в Париже я – в Богом забытой дыре,
в захудалом райцентре, пристроившемся на бугре,
здесь и на три аршина в земле – небо всё-таки ближе,
чем Париж, но Париж я уже никогда не увижу.

Мне вспомнился Максимилиан Волошин – «В дождь Париж расцветает, как серая роза», да и Аполлинер с его «Мостом Мирабо». Отмечу, что в Париже Волошин написал первое стихотворение Серебряного века с упоминанием Китежа... Но, мне кажется, что поэт себя обманывает и речь идёт не о возможности уехать, а о возможности в Париже родиться французом. Иначе не будет ни разглядыванья женских ног, ни опьянения от запаха каштанов, отсюда и ненужное предположение о будущем месте смерти. Где же ближе к небу – кто его знает... Это зависит от человека! И всё-таки возник вопрос – почему такое категорическое утверждение? Что мешает Париж увидеть?

Начиная с Александра Блока в русскую поэзию пришли снега и холод как состояние нашего бытия... И у Сергея Самойленко тоже они доминируют, как в стихотворении «В чём только теплится душа...»:

В чём только теплится душа,
зима который месяц кряду.
Двойные рамы продышать
Труднее, чем дышать на ладан.

Нет силы отвести глаза
от кованных узоров окон,
лишь постепенно замерзать,
заматываясь в сон, как в кокон.

Сплёнутый, как фараон,
рулоном глянцевого бумажки,
ты спишь и видишь третий сон
в своём хрустальном саркофаге.

Спи, летаргические сны
смотри на окнах ненаглядных,
за пазухой большой страны,
под языком с таблеткой мятной.

В пыли снотворной, ледяной
спи, сон твой слаще люминала,
бездонный, медленный, цветной,
как карандаш внутри пенала.

Спи, погружаясь с головой
в коробку «Сакко и Ванцетти».
У снегопада под полой
все сны, что есть на этом свете.

В одном из них твоя душа,
укрыта одеялом ватным,
глядит сквозь слёзы, не дыша,
как с перочинного ножа,
летит на белый-белый ватман
цветная пыль карандаша.

Или в таком стихотворении, как «В ночь понедельника...»:

В ночь понедельника, в утро среды,
в дождь четверга, в снегопад воскресенья
носится в воздухе запах беды,
отзвук звезды и возможность спасенья.

Что-то подмешано в небо страны
кроме фабричного горького чада –
то ли неявное чувство вины,
то ли глухая угроза распада.

Что-то заморожено в лёд января,
что-то добавлено в ливень июня
кроме озона и нашатыря,
кроме поющей струны гамаюна.

Кроме огульного гула турбин
над головами погостов и гульбищ,
чем-то отравлены реки равнин,
чем-то, чего из горсти не пригубишь.

Что-то привито к берёзам, чей сок
кажется горше лекарства иного –
то ли костра осторожный дымок,
то ли огонь воспалённого слова.

Что-то такое дыханье теснит
и обрывает натянутый голос –
то ли отеческий праведный стыд,
то ли сыновья кромешная гордость.

Что-то такое, о чём не кричат,
против чего бесполезен анализ, –

тот же фабричный отъявленный чад,
тот же отчаянный птичий акафист.

Русский холод пронизывает душу и тело поэта:

Я рождён под созвездием рыбы, на свет фонаря
выплывающей из заповедных глубин февраля,
озаряя мерцанием тусклым углы небосвода,
ртом натужно хватая замёрзший кусок кислорода.

Я рождён в рыбный день, чешуёй осенив колыбель,
«баю-бай» заводила фальцетом мне песню форель
и с серебряной ложки меня рыбьим жиром поила,
застудила мне кровь и по жилам стеклянным пустила.

С той поры мне никак не согреть эту мёртвую кровь,
гороскоп, начинённый промозглой тресковой икрой.
Пузыри немоты выпуская в зернистое небо,
мне никак не прорвать этот прочный рачительный невод.

Я рождён под созвездием рыбы, но сам не рыбац,
и не сын рыбака, и не внук, и не правнук, а так...
Я, скорее, Емеля, не знающий щучьего слова,
и поэтому вёдра мои не приносят улова.

Я и сам плавниками едва подо льдом шевелю
и блесну из серебряной ложки ловлю,
круглым глазом стеклянным гляжу, ожидая подвоха,
и под прорубь всплываю для каждого нового вдоха.

Зреет голос в гортани, но слов разобрать не могу.
Палец стылая кровь мне на губы кладёт: ни гугу.
Но молчанье заложено в речь, как заряд динамита,
и для искры ещё не хватает последней обиды.

Ныне герб мой – минтай,
нож консервный подьемля, как жезл,
немотою своей разрывающий жёлтую жесьть,
поднимая, как стяг, немоту, возведённую в степень,
косяком проходящий меж звёзд в огорошенном небе.

Щучье слово знать мало, – ещё раньше нужно данную шуку выловить,
а, возможно, они и перевелись все в отравленных водах! Но, заметим, что
поэт родился в апреле, под созвездием Овна, а под созвездием Рыбы мы
находимся, так сказать, ментально... В стихотворении предсказывается
некий взрыв, нас ожидающий. Снова подобный мотив мелькнёт в

стихотворении «В небо зарыта игральная кость...», из которого приведу отрывок:

... В небе восходит игральная кость.
Зреют созвездья, зажатые в горсть,
и на табло гороскопа,
на концентрических складках воды
мелом начертаны знаки беды
и вероятность потопа.

Многие стихи Самойленко говорят о нашей русской беде, о драме нашей истории, ибо мир расколот и трещина прошла через сердце поэта:

Неродная вода с помертвевшим от горя лицом
в чёрном обруче ковanej крови стоит, как свеча,
перед небом потушенным, перед приёмным отцом,
как осиновый лист, на ладони его трепеща.

Накануне расправы, как ключ накануне замка,
семикратно увита венцом металлических роз,
бесполезно бледнея насквозь, как стакан молока,
как кисель поминальный, пройдя перекрёстный допрос.

Полированной кровью наточен казённый топор,
он обёрнут парным молоком, как цветок правоты.
Всё никак не кончается этот семейный позор,
и никак не срастается ствол расщеплённой воды.

Даже семя, политое этой водой, прорастёт
сиротой на семи неповинных в позоре ветрах,
не запомнит родства, по привычке пустив в оборот
вместе с полой водой безголосый наследственный страх.

Гипсом скрыто лицо летописца с железным пером,
расщеплённым повдоль, чтоб писать молоком между строк.
Мы учились читать алфавит со счастливым концом,
затвердив немоту наизусть, как последний урок.

До седьмого колена разрублена память моя.
На каком перекрёстке кровь сбилась с прямого пути?
Сколько ж нужно хлебать полусладкий кисель забывая
и свинцовую воду беспамятства пить из горсти?

Опечатаны стрелки могучих чугунных часов.
Семеричное время стоит по колена во льду
перед дверью, заложенной на заповедный засов,
накануне расплаты, свечой освещающая звезду.

Что касается «китежских» мотивов, то к ним можно отнести идею небесного града в стихотворении «Распахнута левая дверца...», в котором есть такие строки настоящего поэта с необычным взглядом на мир:

...Потрачена жизнь, а вторая,
грех думать, не стоит гроша.
Обратной дороги из рая
ничья не сыскала душа.
Каких доказательств мне надо,
я сам не пойму до конца.
Химера небесного града
мерцает, мороча глупца.

Так что я теряю, о боже,
вернее, что не получу?
Прошедшую жизнь не итожу,
про новую знать не хочу.
Нет выхода из зазеркалья
для сердца, сгоревшего за
пределами сферы Паскаля.
Кто был там – отводит глаза.

Второй раз «небесный град» мелькнёт у него в стихотворении «Внезапно кончится зима...»:

Внезапно кончится зима,
и я, не спившись в эту зиму,
не с той ноги сойду с ума
на полдороге к магазину.

Позавчера гремел январь
григорианским шумом-гамом,
и спирт, как ёлочный фонарь,
горел в стакане семигранном.

Вечнозелёное вино
цвело в бутылке узкоплечей,
и жизни золотое дно
не просыхало каждый вечер.

Валился белый снегопад
на голову больного сада,
и самогонный аппарат
гудел на кухне до упада.

Дым коромыслом, пир горой,
высокий ток бежал по жилам,
мешая с кровью голубой
коньяк дешёвого пошиба.

Когда ж февраль, кривой в дугу,
Остановился – было поздно,
и лопнул в головном мозгу
холодный пламень високосный.

Ударил воронёный грай,
раздался звон в небесном граде,
и жизнь перешагнула грань
безумия и благодати.

Какое знакомое ощущение, особенно для живущих нынешней зимой в Кузбассе! Казалось, что зима действительно никогда не кончится... И есть здесь русское пьянство – то ли «чумной порок России», то ли наше спасение от безумия русской жизни...

Есть у него «Очарованный остров» – уже не рай, а ад, хотя сначала можно и обмануться:

...Это персональный тропик Рака,
пепел и алмаз, орда и брага,
молодость, в глазах сплошная влага,
а на языке сплошная соль.
Это ад, где всё одно и то же,
ад, в котором не сдирают кожу,
ад, где мы становимся моложе,
длимы любовь, не утоляя боль.

Приведу ещё одно «историсофское» стихотворение «Что за время...»:

Что за время – ни свет ни заря.
что за место – как перед потопом,
никакого числа мартабря
от начала конца Азиопы.

Или хлеб отдаёт лебедой,
или жизнь наступает на горло,
что ж обида в обнимку с бедой
лебединые крылья простёрла?

Что за полуживая вода
отливает польнью и хлором,

что за ворон кричит «никогда»
над поруганным ликом соборов?

Или жито склевали жида,
Или нечисть балует в насмешку,
Что ж у нашей паскудной еды
Вкус дерьма с беленой вперемешку?

...Ох, воротит с души, так несёт,
так разит – уж не прелым ли сеном?
Не из Спасских ли тянет ворот
государевым духом измены?

Не в любой ли избе тот же дух
нежилой, будто после пожара?
Хоть бы раз кукарекнул петух,
хоть бы лошадь какая заржала!

Обморочил ты нас, Черномор,
обвели вокруг пальца хазары,
что ж орёт вороньё «невермор»
всем кагалом, всем птичьим базаром?

Очарована, видно, земля,
заколдована, знамо, держава.
Пропилась до креста, до рубля,
завалилась проспаться в канаву.

Ну и место – ни храм, ни корчма.
Ну и время – ни утро, ни вечер.
Пир во время чумы. Чухлома.
Волчье право. Кулачное вече.

Нипочём восемь вёрст до небес.
День без номера, энного года.
Пять минут до начала чудес.
Время «Ч». Наступленье восхода.

Безнадёжность или надежда на чудо, когда-то спасшее святой град Китеж? Но там молились о спасении, а в современной России есть такие молитвы? Есть, конечно, и стихи Сергея Самойленко можно к ним причислить... Хотя поэт, мне кажется, не прав, – и пропили многие уже и крест...

Из биографии поэта известно, что он живёт сейчас в Арзамасе.. Этого мало – личная жизнь поэта ему не принадлежит! По крайней мере не

только его частное дело... Из стихотворения «Сельская местность...» можно понять, что он был в Поволжье:

...Звёзды висят над поволжской губернией
и осыпаются ниц.
Кто здесь поверит в систему Коперника,
кроме деревьев и птиц?
Падают с неба адамовы яблоки
в старый запущенный сад,
землю дубяют пудовыми ядрами,
тёрпкую, как виноград...

Но, собственно, и это в данном случае не обязательно... Есть два подхода к традиции – её полноценное развитие, что и делается у всех мной ранее приведённых поэтов, и издевательство над нею при, опять-таки, постоянном использовании. Это делают постмодернисты хоть в прозе (Пелевин), хоть в поэзии. И можно тогда и прославиться, и премию какую-нибудь получить! Геростратова слава... Недавно мне попался огромный том Кибирова и читать стихи из него невыносимо нормальному человеку... Сколько там матов! Хотя замечательно сказал ещё один поэт Кузбасса Андрей Пятак:

Русский мат на стене – это форма протеста,
Только слово «Любовь» много лучше, поверь.

Сколько сейчас протестующих – почти вся Россия! Даже студенты и школьники, хотя и в устной форме! Но мы отвлеклись, а надо заканчивать, что я и сделаю, приведя отрывок из его «Зимних сказок», в котором мы встретимся с Китежем:

2

Зимняя ночь на краю Ойкумены в глухом
Богом забытом медвежьем за каждым углом
справа налево арабская вязь снегопада
только и света при музыке у камелька
к чаю Чайковский внакладку четыре куска
слишком лукава слащавая речь азиата

Сказочки Шахерезады язык без костей
ночь напролёт что не ждали незваных гостей
сядешь с малиной на нарах вести тары-бары
сахар дефис рафинад не наколешь хохла
ухо на шухере сладкое слово халва
тьмутаракань за монголами сразу татары

У самовара фильтруя славянский базар
до Магадана в телячьих вагонах Макар
кожа да кости гоняет этапы галопом
вплоть до упора по тракту пардон не Арбат
в контурной карте Малевича чёрный квадрат
каменный уголь валютный оплот рудокопа

Через кулак и Медведиц считай в телескоп
с чепью на шее из ямы ну как протопоп
твердь ли в алмазах видать никогда Аввакуме
сделай за веру козу-дерезу и ужо
кто двоеперстием в небо а кто пальцем в жо
в трещину мира промежду рахат и лукума

Думая думу стучит по железу чугуны
не подкачай бы Колчак не в почёте Кучум
чуть за Урал никакая Европа в натуре
чем Чаадаев не шутит сойдёшь тут с ума
опыт истории лесоповал Колыма
то бишь глубокая рифма в угоду цензуре

Выколи глаз евразийская ночь темна
как Достоевский роман только шиворот на-
выворот Гоголь на моголь шинель наизнанку
выйдя из коей тотчас попадаешь в ощи-
п в лапы Морозова слова из песни ямщик
выкинешь чижика пил да гулял не Фонтанка

Мором ли язву надуло в Петрово окно
после потопа хоть в прорубь а там всё одно
камнем на дно Атлантида но выплывет Китеж
Русь прирастет языком к топору Ломонос
вся поцелуй меня в зад на морозе взасос
это и есть наша жизнь в переводе на идиш

... Не протопить мёртвый дом ледяную избу
в круге последнем не то что в хрустальном гробу
руки согреть чем за пазухой в месте причинном
в космосе стужа летает топор по дрова
но и из чёрной квадратной дыры Рождества
светит звезда отвечая запечным лучинам

Избежим оценки стихотворения, благо использована только его часть,
но замечу, что появилась и Атлантида и она также не редкая гостья в

поэзии Кузбасса. Но выплывет ли Китеж или навсегда останется под водой – здесь трудно разделить уверенность поэта...

Творчество Сергея Богачёва можно отнести к поэзии философской, только прикрытой иронией в стиле немецких романтиков. Речь идёт о, так сказать, подаче материала... Отдельного сборника им не издано и приведённые далее стихи взяты из интернета. Насколько я понял, поэт ранее жил в Германии, а сейчас вернулся в родной Кузбасс. Например, в «Оде родному языку» он нам повествует так:

Люблю тебя, родной язык!
Язык великий и могучий!
Ты краше всех, ты всех певучей!
Ты сочен словно плод лозы!

Твоя фонетика меня
Возносит к небесам высоким!
Родные звуки – пенье сойки
И треск горящего огня.

Как много разных падежей,
Чтоб передать оттенки речи!
А междометия! Наречья!
Ты всех чудесней, всех нежней!

Пусть нет артиклей у тебя,
Зато какие окончанья!
И суффиксы твои ночами
Сердца влюблённых теребят!

Твой юмор тонок и умён!
И всех новаторов словесных
Ты ставишь тотчас же на место,
Смеясь над глупостью времён!

Переплетенье слов твоих
Не раз шедевры создавало!
Ты боли перенёс немало,
Но до сих пор живей живых!

Я чту тебя, тебя пою!
И даже не в родных пенатах,
Услышав трёхэтажность мата,
Себя я чувствую в раю.

В Германии, может, и почувствуешь себя в раю от ставшей привычной специфической лексики, но здесь что-то подобное ощущение не возникает! Ближе к аду на самом деле! Лучше бы они, матершинники, провалились под землю... Хотя нет, не надо, а то опустеет Земля Русская! Но, отметим, если и дым отечества сладок и приятен, особенно густой в Кузбассе, то почему бы и родной речи не вызывать сходные чувства?

С памятью о Германии связаны и его забавные «Страсти по Лорелее»:

Не знаю, что значит конкретно
Моя беспросветная грусть, –
Девушка из сказки заветной
Меня вовлекает в игру...

Над Рейном закат холодает
И всё бы нормально... Но вот
Зачем каждый первый мечтает
Сбабацать тех строк перевод?

Про девушку, что на вершине
Сидит над обрывом крутым
И мимо плывущих мужчинок
Смущает бикини златым.

К тому же гламурная дева
С расчёскою, тож золотой,
Чудесною песней владеет
И манит к себе на постой

Пловцов, и гребцов, и поэтов,
Паромщиков и рыбаков.
И пишут про девушку эту
И Шнейдер, и Блок, и Майков.

И Левик воспел Лорелею,
Воспели и Мей, и Маршак...
Спасибо тебе, Генрих Гейне,
Великий волшебник и маг!

Теперь появился и ещё один поэт, воспевший Лорелею и даже первый обративший внимание на форму её купальника! В этом признак настоящего поэта – увидеть то, что другие не замечали... Я, кстати, раньше думал, что Лорелея сидит голая или, выражаясь языком поэтическим, обнажённая, что, как известно, привлекательнее для мужского взгляда, но, может, немцы её сейчас одели?

Многие стихи поэта – философского характера, как «Творец судьбы» с печальным выводом:

Для Вселенной человек – козявка.
И смешно мне слышать заявленья,
Что козявка эта есть хозяин
Собственной судьбы, в веках нетленной.
Да ещё, стервец, к тому же властен
Над великой матерью Природой
(Если б мама знала, как опасен
Сын, то умерла б при родах...)
Я же ощущаю чью-то Волю, –
Тем сильнее, чем мой возраст старше, –
В памяти всплывает некто Воланд,
Шествующий вдаль у Патриарших.
А ещё припоминаю фразу:
«Знал бы прикуп – точно жил бы в Сочи...»
Или надо мною чей-то Разум,
Или я – творец судьбы не очень...

Вот у Сергея Самойленко мечты о Париже, в котором никогда ему или его лирическому герою не жить, а тут Сочи! Мелковато, уж мечтать несбыточно, так о Канарах или Италии! Но можно поспорить с поэтом и напомнить, что мы у матери-Природы не одни! Проще родить младенца-человека мёртвым или, выражаясь народным языком, потом «заспать» его...

Есть у него стихотворение о загадном «Ктулху»:

Охваченный мраком глубокого сна
В пучине морской скрыт водою от нас
Отец человек и духов –
Пришелец загадочный Ктулху.
Не раз он Вселенную пересекал,
Где звёзды блестят как осколки зеркал.
Но здесь на Земле, вот непруха,
Сломался корабль у Ктулху.
Он город великий создал на Земле,
Где властвовал сотни и тысячи лет.
Устал. И пришла расслабуха.
Решил отдохнуть мудрый Ктулху.
Он лёг и уснул. И охваченный злом
Его светлый разум пошёл на излом, –

И в снах его – кровь и чернуха,
У вроде бы доброго Ктулху.

И ложь его снов охватила людей,
Являлись на свет за злодеем злодей
И сеяли смерть и разруху,
Не помня об истинном Ктулху,

Но он пробудится, восстанет из тьмы,
И станем как прежде счастливыми мы
С улыбкой от уха до уха
Под сенью великого Ктулху.

Так ждём мы, пока кто-то что-то за нас
Решит или сделает. Сами мы – пас.
И кто-то ждёт Вечного Духа,
А кто-то- могучего Ктулху.

Что-то тибетское слышится в имени спящего пришельца... Уж скорее бы просыпался, что ли! Сколько можно спать... Но, увы, опять пассивное ожидание от собственного бессилия и, мне кажется, это ощущение большинства россиян... А почему? Здесь, по моему мнению, поэт отвечает на вопрос в своей «Балладе о драконе»:

За горной грядой ушедших веков
одною несчастной страной
железной рукой правил страшный дракон,
рождённый самим сатаной.

Он толпы людей посылал на убой,
не знал никогда он пощады.
Никто никогда не выигрывал бой
с бессмертным исчадием ада.

Стальные клыки,
ядовитая кровь,
из камня – и сердце, и кожа.
И мог его только великий герой
волшебным мечом уничтожить.

Не счесть храбрецов,
что пытались тот меч
добыть ради дела святого.
Но всех настигала ужасная смерть –
сбывалось пророчества слово:

«Дракона повергнет оружием сим
герой не могучий собою,
а тот,
кто душою и сердцем красив,
кто лишь на благое способен!»

И вот наступил долгожданный момент,
нашёлся фортуны избранник.
В руке его царства драконьего смерть
сиянием солнца играет.

В жестоком бою опрокинут дракон,
но слышится в слове последнем:
«Когда-то и я был таким дураком,
о, юный дракона наследник...»

И чувствует витязь, как кожа его
становится грубой и тёмной,
и когти стальные – из пальцев. Так вот,
где скрыто залятье дракона!

«Наследник?
Так царство драконье теперь
любой моей воле покорно!» –
и в блеске меча отражается зверь
со злобным оскалом дракона.

Всего на мгновенье.
И тут же исчез
дракон упоения властью. –
Превыше для витязя –
доблесть и честь!

И мир воцарились, и счастье!

То сказка... А в жизни всё наоборот,
здесь правят другие законы. –
Совсем не готовый к свободе народ
не мыслит себя без дракона.

И властвуют в мире людей испокон
законы драконьего царства. –
Приходит на смену дракону дракон,
и имя ему – государство!

И властвует в мире дракона закон,
что выше людей государство!

Какое прекрасное и горькое стихотворение... В России который век меняют друг друга драконы, и только когда дракон одряхлел и выпали его зубы, можно на время вздохнуть. Но подрастает его злой и сильный наследник, часто хуже предыдущего, и всё начинается сначала. Но, – я позволю заступиться за народ, – не он не готов к свободе, а дракон слишком силён!

Впрочем, в стихотворении «Вебрь» есть другой и забавный вариант смены, так сказать, наших властей, когда хитроумная лиса (куда до неё Одиссею!) предложила лесу кормить и поить свирепого зверя за, так сказать, казённый счёт:

... Вебрь согласился.
Отчего ж
не стать на время мирным?
Забот не ведая, живёшь,
от пуза ешь, от пуза пьёшь, –
не жизнь – одна малина!

... А в честь той сделки, через год,
в лесу совет был собран.
Перед зверьми стоял не тот,
могучий вебрь и крутой,
а толстый, жирный боров!

«За все ответить соизволь!»
А он – как пригвождённый...
Сверкнул топор над головой...
И радостный раздался вопль
над вепрем побежденным...

То есть тут другой вариант смерти властителя. Но когда же наестся досыта наша новая элита? Аппетиты у неё безразмерные... Да и, мне кажется, вепря в стихотворении сменит другой какой-нибудь хищник, ибо «свято место пусто не бывает»...

Впрочем, можно попытаться в мир наших верхов и попасть, и поэт сам себя уверяет в стихотворении «Будет время», что:

... Будет время –
просплю до полудня!
Будет вечер –
субботный! –
в Останкино!

Будут грозно-квадратные люди
Мне локтями фарватер расталкивать!

Будет день –
обнимусь с президентом!
Будут ночи –
в постели с Мадонною!
Дай-то Бог,
чтоб она к тем моментам
сохранилась такой же съедобною...

Что-то всё это сомнительно... Хотя бы потому, что сначала нужно убить в себе поэта... Но спасибо за пожелание актрисе сохранить свою красоту! Говорят, что мысли частично сбываются, если направлены на добро, и тогда Мадонна ещё долго останется красавицей – Сергей Богачёв в данном желании явно не одинок! Поэт, кстати, выстраивает архаическую связь секса и еды, позднее Библия включила сюда и «знание»... Сама же Мадонна пока вполне «съедобная»!

Интересных стихотворений у поэта много даже в данной мне распечатке, например, «Бритва Оккама», сменившаяся сейчас «шашкой Оккама», есть пейзажные зарисовки, назову «Снег», или забавную «Речь на кошачьем конгрессе», на котором кошки пришли к выводу о неразумности человека, но «люди нужны нам, кошачьим», иначе:

...Кто в этом мире убогом
Род наш кошачий обслужит?
Кто у владыки и бога
Пальцем почешет за ушком?!

Действительно, кто? Что-то похожее, думаю, не раз звучало и на конгрессах собачьих...

А вот, вероятно, наше будущее в стихотворении «Тайна четвёртой планеты»:

На одной нехорошей планете
(чуть подальше от солнца, чем наша)
в мягком климате вечного лета
жили люди зелёного цвета,
гармонично сливаясь с пейзажем.

Что имели они – не хранили,
воевали, дрались и ругались.
И под небом оттенка ванили
очень часто друзей хоронили,
за грехи свои тяжкие каюсь.

Посмотрел на такое Всевышний,
покачал головою седою:
«Как же можно войною на ближних?!»
И ушёл,
ощутив себя лишним
в мире, где промышляют бедою.

С той поры захирела планета, –
то ли что-то с вращения осью
приключилось.
А, может, комета
поменяла вес «брутто» на «нетто» –
наступила нежданная осень.

И теперь,
в атмосфере удушья
(на поверхность не выйдешь без маски),
над планетою тихо и дружно
листья красные-красные кружат,
как кровавый укор детям Марса.

Есть ли жизнь там сейчас?
Дааа... Вопросик!
Но с надеждою к Марсу скользим мы
по космической глади...
Не бросим
наших братьев в тяжёлую осень!
Не допустим суровую зиму!

Кого мы спасём, нас самих спасти надо! То-то тарелки летающие
зачастили... Да и от нас, наверно, Всевышний тоже ушёл подальше...

Я позволил себе подробное цитирование, чтобы ознакомить своего
читателя с творчеством недоступного для большинства поэта, ведь не
всякий обратится к Интернету, да и неизвестен он, как я уже отмечал, из-
за отсутствия авторского сборника. Печально, но, будем надеяться, что в
ближайшее время положение данное будет исправлено. А заканчиваю,
понятное дело, его «Китежем» в стихотворении «Красота»:

Красота, заметил классик,
Однозначно мир спасёт!
Я с тем классиком согласен, –
Красота – людское всё!

Красота лежит в основе
Человеческой мечты, –
Вот зачем соседу новый
«БМВ»? – Для красоты!

И прогрессом технологий
Управляет красота:
Ради фанов порноблогов
Кто-то Интернет создал.

Экономика, финансы...
Красота там правит бал:
Как красива, как прекрасна
Газоносная труба!

... На эстраде красотой
Никого не удивишь:
Нам «звезда», на сцене стоя,
Светит прелестью «неглиж».

Суть чрезмерных возлияний –
Это тоже красота:
С каждой рюмкою желанней
Та, что бросит в дрожь с утра.

В общем, глаз куда ни кинешь,
Красота – и тут, и там!
Как невидимый всем Китеж,
Где должна быть Воркута.

Красота везде и всюду!
Красота – царица грёз!
Красоту я славить буду
Вечно, в шутку и всерьёз!

Красота сильнее смерти!
И когда-нибудь в аду
Этот стих оценят черти,
Отложив сковороду!

Согласимся с Сергеем Богачёвым, но кто-то из мыслителей задал резонный вопрос: «А кто спасёт саму красоту»? Она сама нуждается в спасении! Иначе останется нам только та красота, о которой и поведал нам поэт... За исключением, пожалуй, «звезды» – лишь бы было на что посмотреть!... Эта красота пускай остаётся... Недавно вышел из печати сборник поэта тиражом в два экземпляра. Лиха беда начало! Тем более,

что готовится сразу и его переиздание... Я поздравляю Сергея Богачёва и цитаты привел в соответствие с этим изданием.

Наше родное государство и особенно его СМИ пытаются превратить свой народ во что-то хрюкающее и без конца потребляющее... Не дай себе засохнуть! В одном известном мультфильме зайчик поёт: «Но я не унываю, я сам себя спасаю...» Дело хорошее, но лучше «спасаться» коллективно! Что и делают, к примеру, различные общества культурного сердца города Новокузнецка – Гоголевской библиотеки.

Есть также клуб «Озарение» с рядом интересных поэтов, альманахом и так далее. Назову, к примеру, Светлану Зайцеву, Ирину Малкову... Просматривая издания клуба, я нашёл поэтессу Анастасию Куприк и её сборник «Небесная ставка», причём мне любезно пояснили в предисловии, что «издание заряжено позитивной творческой энергией!» Спасибо, я с удовольствием подзарядился... Хотя подобной энергией заряжено всё полноценное искусство... Итак, познакомимся с творчеством Анастасии Куприк. Стихи различного содержания и многие пронизаны своеобразным мягким юмором, как, например, «Расчёска (Баллада об ушедшей любви)», где героиня решает закончить свой роман, но, – что тут поделаешь, – у любимого забыта пластмассовая расчёска:

...Всё кончено – резко и хлётко!
Мной сделан решительный шаг...
Но я позабыла расчёску,
А мне без расчёски – никак!
Я помню, как было вначале:
Ведь стоило лишь захотеть –
И всё мне вокруг помогало
Скорей до тебя долететь,
Навстречу крутилась планета,
И россыпью, как на развес,
Счастливые только билеты
На мой приходились проезд...
А ныне – сомнение точит,
Вдоль трассы искрят провода...
Мир явно и зримо не хочет,
Чтоб я возвращалась туда.
Под ноги не стелется глобус,
И здесь гололёд ни при чём.
Ко мне не подходит автобус –
Как будто я знак с «кирпичом»!

Но всё объясняется просто,
И жизнь отражает вполне,
Как два полушария мозга
Сцепились в гражданской войне.
...Бреду, озираясь волчицей
По всем четырём сторонам...
Ну пусть что-нибудь приключится,
Чтоб нынче не встретиться нам!
И точно: в ответ создаются
Условия мне. Признаю!
Расчёски вокруг продаются, –
Не нравятся. Надо свою.
Бегут врассыпную трамваи,
Планета вращается вспять...
Я знаю. Я всё это знаю.
Но – надо
расчёску забрать.

Вероятно, героиня лирическая расчёску заберёт, но забудет что-нибудь ещё...

С ненормативной лексикой мы уже пересекались, например, у Сергея Богачёва, а вот женский на неё взгляд в стихотворении «О пользе ненормативной лексики (хулиганское)»:

«Поди куда-нибудь, друг мой.
Оставь; покинь моё жилище...» –
Сказала я.

Гляжу: второй.

Уж час он всё дорогу ищет.
Как, нежели отправить на,
Назвать иначе ту обитель?
Как втолковать ему, скажите,
Что я хочу побыть одна?!..
Я этой сценой передам
Ответ несложный и прозрачный,
Отколь во мне, такой изящной,
Порочный трепет к матюгам:
В тот край, что дальше всех земель,
Пошлешь, бывало, безвозвратно, –
И сразу станет всё понятно:
Маршрут, и азимут, и цель.

Хотя, признаюсь, что-то плохо я верю в подобные указания поэтессы. Мне кажется, что адрес она, слегка застыдившись, указала неточно, потому и заблудились мужчины, но кто его знает... Сама она дала себе забавную самооценку, занявшись психологией, в своих «Психологических страданиях»:

Я зубрю теперь научные термины.
Подсознания вскрываю конверт...
Раньше я была обычной стервою,
А теперь – шизоидный интроверт.

Так грустно... Вот и подумаешь невольно о вреде образования... В следующий раз она говорит о себе, как о ведьме, что, вероятно, лестно каждой женщине!:

Слишком уж ведьма! –
сжигали не раз.
Не дорастала до старости, –
Стало привычкой.
Вот и сейчас:
Глянешь на даты – «осталось-то...»
Только росла,
набираясь огня,
Сила моя заповедная.
Не научили быть старой меня;
Не отучили быть ведьмою.

Но и здесь я ей не верю, и в доказательство приведу ещё одно интересное стихотворение «Автобусная зарисовка»:

Девушка кричала в маленький мобильник;
Был на весь автобус слышен вопль её.
Девушка кричала: «Верка, это ты, блин?!..
Ты бухая, что ли?.. Верка, блин, алё!..»
А подружка рядом говорила: «Катя!
Брось ты на фиг трубку; чё ты, блин, орёшь?..
Все они там – в стельку. Успокойся, хватит...
Пусть пока проспятся! Позже наберёшь».

Но сжимает Катя в ручке кучку цифр
И вопит, как с берега на берег реки:
«Дима, это ты, что ль?.. Это ты, Никифор?!.
Блин; пустили трубку по рукам, прикинь!»
Тут сердитый дядька – тот, что ехал стоя, –
Грозно эдак рявкнул: «Всё, туши фонарь!

Всех заколебала! Это что такое?!
Закрывай контору и мозги не парь!»
Попритихла Катя кошкою побитой,
Прилегла подружке грустно на плечо...
Жаль. Такая сцена! Столько колорита!
Я бы с наслаждением слушала ещё!
Я бы записала это на рекордер,
Если б у меня он был с собою тут...
Вот противный дядька! Взял и всё испортил.
И откуда столько на земле зануд?

Сколько же надо иметь душевной доброты, чтобы с такой улыбкой слушать молодёжную речь! Хотя и «дядьку» можно понять из одного его «стоячего» проезда... Любопытно, что он тоже говорит на подобном языке, только без «блинов»...

Очень понравился мне её термин – «вербальный наркоман» в «Разговоре с юношей», где она убеждает последнего отказаться от поэзии. Как бы не так! И Брюсов отговаривал, хотя как-то неуверенно, и Гумилёв. Слава богу, не слушают! Клуб «Озарение» – название обязывает! – связан с миром эзотерики, и ряд стихов поэтессы с ним пересекается, как, например, стихотворение «Не звонят»:

Не звонят, не едут и нешают.
Всё сегодня так – с частицей «не»...
Тихой неприкаянностью дышит
Ночь в полуоттаявшем окне.
Непрерывным спазмом длится время,
Ворошит в себе чужие сны
Сквозняками протканная темень
Дивной и недвижной глубины.
Там, в железных башмаках пространства
Вдоль по льдам периодов скользя,
В тривосьмых и тридесятых царствах
Где-то бродят все мои друзья, –
Вечные мои пока-что-люди,
Спрятанные за условность лиц...
Я прекрасно помню всё, что будет
После отрицательных частиц:
Все они, с плащей, покрытых снегом,
Страхивая капельки минут,
В мой трактир между землёй и небом
Собираются медленно начнут.

Вспомнят путь – по собственному следу
Стоптаных девятих башмаков, –
И приедут, и... ещё приедут!
И не надо – писем и звонков!

Что касается нашей темы, то в одном стихотворении упоминается «небесный Иерусалим», – в стихотворении «Сменив мелодии Имён»; есть забавное стихотворение о поиске земного рая «Озеро Пельмень», которое я приведу полностью:

Уеду я на озеро Пельмень,
Где берега кисельные повсюду
Где ночь без суеты сменяет день,
Где все печали мира я забуду...
Где нету политически
Окрашенных моментов,
Где нету взяток, дач, машин
И президентов...
Уеду я на озеро Пельмень.

Окрестности у озера Пельмень –
Сплошное бушевание растений.
Там царствует бесхитростная лень,
Там нет заумных чувств
переплетений.
Там нет экологически
отравленных продуктов,
Там только изобилие
Вполне съедобных фруктов –
Во всей округе озера Пельмень.

А вечером на озеро Пельмень,
Качая плавно царскими рогами,
Приходит заколдованный олень,
И воду пьёт глубокими глотками.
А в стороне с почтеньем ждут
Все птахи и зверушки,
Когда он отойдёт, и после,
Наостривши ушки,
Спешат напиться к озеру Пельмень.

Ну а вода из озера Пельмень
Целебные весьма имеет свойства:

Она врачует раны и мигрень,
Простуды и желудка беспокойство.
В ней быстро растворяется
всё злое и больное,
И вырастает рыба мелочь
в пол-руки длиной
В воде волшебной озера Пельмень.
Уеду я на озеро Пельмень
Лечить истосковавшуюся душу.
Я сяду там на вековечный пенёк
И буду лишь дышать, смотреть и слушать...
Я даже не возьму с собой туда
магнитофона.
Я буду жить там нешумливо и уединённо –
На тихом светлом озере Пельмень...

А есть ли такое озеро? Почти Светлояр... Некуда нам бежать от современной цивилизации... Есть у неё и мой родной Китеж, за что и спасибо поэтессе, в стихотворении «Я еду в гости...»:

Я еду в гости. Я перемещаю
Пространство относительно себя...
Вселенная за окнами трамвая –
Большой трекбол, который я вращаю,
Билет невольно в пальцах теребя.
В его вращеньи знаки подмечаю:
С плаката глянет, как из высших сфер,
Морозно-страстным личиком блистая,
Жестокое дитя – Милен Фармер;
Припомнится, и я была такая...
Ты ждёшь меня. Сегодня понедельник,
И нам вторую жизнь не до коррида.
Полунамёком мимо проплывает,
Как Китеж-город, церковь... Помню, там
Меня крестил улыбчивый священник –
Как яблочко румян отец Роман...
Весною встрёпан мир, как старый веник.
Вселенная за окнами трамвая
О нас сама с собою говорит,
Подробно заполняя ежедневник...
Я так привыкла падать на колени
Твои – и всей собой благодарить

Того, Кто вот таким, без сокращений,
Тебя придумал... Под ладонью влажной
Сквозь сеть молекулярных заграждений
Душа стучится в душу – и однажды –
Вдруг нам удастся их соединить?
Я так тебя люблю, что мне не страшно
В себе твои ошибки растворить.
Пусть снова – те же самые ступени...

Итак, ещё одним Китежем стало больше! Стихотворение носит личный характер, то есть там ряд деталей, нуждающихся в знании обстоятельств его написания, поэтому ограничимся самим текстом. Но приведу ещё мрачноватый анти-Китеж, написанный в связи с известным в своё время происшествием:

Стихи дичают и уходят.
Печально... Были б хороши,
Когда б писались от души,
А не в угоду резвой моде...
Бориса сбросили с моста... –
Чтоб всем вам в речке утопиться!
Ну как тут с горя не напиться? –
Всё встанет на свои места.
Диктуй свой следующий тост,
Его запомним и запишем:
Мир всем домам, подвалам, крышам,
И да провалится тот мост!
И да уйдёт он в мрачный ил,
Где пескари снуют уныло...
Я всё бы вам давно забыла,
Когда бы Бог мне всё забыл.

Стихи уходят и дичают.
Тоска! Зелёная тоска!
Живи, родимая треска,
Тебя удой не опечалю.
Живи, плодись и песни пой
Про идеальный мой характер,
Про мой изломаннейший дактиль
И амфибрахий преплохой.

Какое прекрасное пожелание: чтобы ушли под воду наши правители – и тогда Китеж останется на земле... Да уж, утонут они, ждите! Они непотопляемые...

Дмитрий Глазов... Человек биографии не совсем обычной, – по крайней мере, для поэта. Вот краткая биографическая справка, данная о себе самим автором, из сборника «Женщина желаний» (кстати, а женщины нежеланий бывают?):

«Родился в 1942 году на станции Яя Транссиба.

В 1959 году окончил с золотой медалью школу № 4 в Кемерово. Работал слесарем на КЭМЗе, секретарём РК ВЛКСМ на ударных комсомольских стройках, техником-конструктором в Гидроуглемаше. В 1966 году окончил КузПИ, учился в аспирантуре и работал мл. научным сотрудником.

С 1963 года занимался в Кемеровском литобъединении КТОМ. Стихи читались по Кемеровскому радио и телевидению, печатались в альманахе «Огни Кузбасса» и газетах. В 1968 году в кассете вышел сборник стихов «Март».

После защиты диссертации работал ассистентом, ст. преподавателем, доцентом, зав. кафедрой в вузах. Затем ушёл в науку, работал старшим и ведущим сотрудником, зав. лабораторией, зам. директора по науке.

С 1972 года стихи и прозу писал «в стол», но издал 9 монографий, более 200 статей, получил 30 авторских свидетельств и патентов на изобретения. После перестройки работал президентом и ген. директором горно-машиностроительных и углеэкспортных компаний, в том числе с 1992 года за рубежом.

В 2002 году вернулся к литературной работе, публиковался во всех русскоязычных еженедельниках Кипра, в литературном приложении АПИИ к европейской русскоязычной прессе, в «Роман-журнале 21 век» в Москве, в журнале «Русское литературное эхо в Израиле», в журнале «Огни Кузбасса».

В 2004 году вышел в Иркутске роман «Колыбель пророка». В 2007 году в Москве увидел свет сборник стихов «Не исполненный вовремя долг». В 2008 году в Москве отдельным изданием вышла поэма «В высоком лондонском кругу...». В настоящее время пишется вторая книга романа, и перед вами новая книга стихов».

Я привёл эту самоаттестацию поэта как пример не совсем обычной биографии автора. Если занятия наукой и поэтическое творчество ещё как-то сочетаются, то разного рода бизнес поэзии противопоказан! И ещё интереснее возвращение поэта в литературу... Позволю сделать предположение, что очень помог Кипр, – представьте себе Средиземное море, зелень и скалы, древние памятники острова, там, мне кажется, и пень станет поэтом, да и отрыв от родины обостряет чувства. Можно

вспомнить, для примера, Фёдора Ивановича Тютчева или наших эмигрантов.

Есть и предисловие Александра Ибрагимова – их дружба с далёкого 1963 года; эпоха КТОМа и его участники – Семён Печеник, Николай Колмогоров, Виталий Креков, Сергей Донбай, Владимир Каганов и Дмитрий Глазов. Любопытно, что все они состоялись как поэты – такое вот интересное поколение и яркая группа друзей. Я пропускаю воспоминания Ибрагимова и только приведу его оценку поэзии (данного сборника) Дмитрия Глазова, тем более, что она написана «прозой поэта»:

«...Стихи Дмитрия – прозаичны. Они тяготеют к жанру живой драматургии. Его стихи похожи на киносценарии. Там в пробелах-полунамёках-разрывах таится весь смысл лиц-движений-действий. В этих кино-стихах проступает странность и правда, абсолютная необходимость и неопровержимая выдуманность.

Почти необозримое, множество женщин и мужчин населяют, мучают друг друга и наслаждаются в стихах Дмитрия. Ошеломляющее множество героев и полугероев встретится читателю. Тех, кого мы знаем, и тех, о ком впервые слышим... Серго Орджоникидзе и Маяковский, Сергей Киров и Мейерхольд, Александр Пушкин и Сен-Жюст, Октавиан... – они проживают прямо перед нами самые яркие миги жизни и погибают, чтобы мы запомнили и не повторяли их роковой опыт.

Изумление и некоторое недоверие возникают во мне. Но, перечитывая стихи, наполняешься этой правдой-полуправдой, фантазией-полуфантазией. Сквозь фрагменты тел, событий, кроватей, доносов туманно, но неотвязно возникает главное – История. И не просто История, а врождённый взгляд Дмитрия на Историю. История людей – это История Полов. Это История Ромео и Джульетты, Александра и Натали, Владимира и Лили Брик... Это великая и неотрицаемая Правда Истории. Правда, которую многие не хотят видеть ни в себе, ни в Истории на Земле.

Потому что это История несчастных и, изредка, счастливых людей. Это История нашей полудневной-полуночной-полуутренней жизни. Это наша полужизнь. Это полунепрерываемые царские казни и неотвратимая кровь возлюбленных. Это полужалкие судороги палачей и невыносимые спазмы влюблённых. Это неостановимо-женские вопли под солнцем и почти полубезмолвный шёпот уходящих в ничто. Это История безбожных и раздвоенных людей. Это ежедневная и всеохватывающая мясорубка, из которой мы – полуживые-полумёртвые – выползаем на миг, на час, на жизнь... Это кровавый фарш тел, слов и неудачных попыток сказать-выкрикнуть-простонать новое. Это страшное и прекрасное единое, в котором мы начинаем ощущать своё человеческое братство».

Как умеет написать поэт о другом поэте, особенно о своём друге! Я так и не понял, похвалил или обругал Ибрагимов его творчество! Мне «кровавый фарш тел и слов» не очень приглянулся, да и как мы можем повторить – даже при желании – опыт Маяковского и прочих персонажей поэта. Тем более, что там погибает индивидуальность их, а здесь есть некая одержимость того, что сейчас называют сексом. Не путать с любовью! Возможно, что воздух Кипра повлиял на поэта, ведь не случайно там родилась из пены морской богиня Афродита! Читать же стихи, так сказать, автобиографические – всё равно, что смотреть в замочную скважину, а ведь в известной русской пословице прямо сказано – на чужую кровать рот не разевать! Цитировать его любовную лирику невозможно по этическим соображениям, читать, а тем более перечитывать не очень хочется – скучно. Чтобы узнать, как поэту когда-то повезло или, наоборот, хотя и реже, не повезло! Есть, конечно, и прекрасная лирика, спасающая сборник, например, «Рассвет»:

Мимо звёзд и луны
По мерцающему полю
Золотые табуны
Вырываются на волю.

Непонятен и мглист
Буровых мираж ажурный,
На участке «третий-бис»
Улыбается дежурный.

Видит – ходит, горда,
Мимо наших изголовий
По намеченным следам
Дочь покинутых зимовий.

Омывалась в росе –
Ведь не знала, что смотрины,
А теперь в воде рассвет
Носит с речки Катерина.

Только там в темноте
Дед берёзовые прутья
То ли мочит в воде,
То ли просто воду мутит!

Выйти, что ли, ветрам,
Катерине поклониться,
Чтоб сплеснула с ведра
Ярко-красную зарницу!..

Мне кажется, что за бытовой зарисовкой просвечивает здесь какая-то магическая архаика и Катерина – древняя богиня солнца... Что-то есенинское я углядел в стихе... Хотя есть, мне кажется, и неудачные строчки, например, мимо каких «изголовий» ходит девица? Впрочем, моя задача – не критиковать, а находить и цитировать, нахваливая... Стихотворение это из его первого сборника 1968 года, – уже упоминаемого ранее «Марта», то есть между первым и двумя последующими разрыв в сорок лет! И почти все они, ранние, вошли в эти два последних сборника, как, например, «Женщина из города лжи»:

Я ступаю за женщиной в городе лжи,
Где скрывают дома свои этажи,
Где широкие улицы прочь от реки
Пешехода уводят в свои тупики,
И бесчестным приёмам двуличной игры
Обучают людей проходные дворы,
Где нестойкое сердце устремится вперёд,
Чтобы сразу истратить скупо прожитый год.

У знакомых ворот я стою:
– Покажи
Мне дорогу прямую из города лжи!..

...Ну да разве покажешь ты?
Он построен тобой.
Всё, что за день в нём нажито,
К утру станет трухой.

Словно облачком дымным
Прикасаясь к устам,
Почему ты, любимая,
По чужим адресам
Бьёшься охтинским голубем
В стёкол синий квартал,
Непокрытую голову
Подставляешь ветрам?
Почему ты мне кажешься
От последней межи
Недостроенной башнею
В этом городе лжи?..

Есть пейзажная лирика, как, например, стихотворение «Июль их огненные лики...»:

Резные венчики гвоздики...
В сухих и ветреных местах –
Июль их огненные лики
Как искры, в травы разбросал.

Густые нити паутины
Сплетаёт солнце каждый день.
Берёзы белые холстины
Несут на выгон деревень.

Губами леса, изнывая,
Перебирая падежи,
Осины шепчут заклинанья,
Чтоб с неба ливни снизошли...

И в жёлтый саван одевая
Фигурный зелени наряд,
Дубы, как очередь живая,
Над руслом высохшим стоят.

Где в луговинах полумёртвых,
С песков скрипучих и глухих
На черенках полуметровых
Ладони тянут лопухи –

Как будто под песками бьётся
Корней измученная рать...
И мой язык не повернётся
Их руки листьями назвать...

Это и последующие стихотворения привожу из сборника «Мне снилась девочка босая...», показавшегося мне более интересным, чем предыдущий... В этом сборнике есть стихотворения без «кровавого фарша тел и слов», например, «Как злится, пенится река...» :

Как злится, пенится река –
Свои кусая берега,
Гранит ломая и базальт,
Бросая в водопад со скал
Туземцев утлые челны,
В которых кротки и чудны
С охоты возвращались шорцы,
В звериных дохах инородцы...

Здесь гром с землёю говорит,
О том, что до сих пор горит

На дне...
Корабль?
Метеорит?
И словно пуля у виска
Воронка на краю леска,
В неё которые века
Уходит горная река...

Шаманы тайну берегут –
Из-под земли
То крик!
То гуд...
Как будто в толщине породы
Приют здесь свой нашли народы.
И в вышине подземных гротов
Застыл конвой из терракоты,
В строю суровые отряды,
В гробу –
Китайский император...
Бушует мёртвая река
Тысячелетья и века
В подземном царстве под горой...

А на горе седой герой
Шаман...
Шатёр...
И небо – бубен...
Ах! Что-то будет...
Что-то...
Будет...
Потоп?
Пожар?
Кончина света?

.....
Не зря... к Земле... летит... комета!..

Здесь и нависшее ощущение беды, вспомним подобные мотивы у Сергея Самойленко и других поэтов. Но и любопытный вариант Китежа – легенда о «подземной чуде», ушедшей в пещеры и живущей там до сих пор... Хотя обычно легенда связывается с Алтаем. Впрочем, стихотворение – часть цикла «Сны погибшего экипажа» о гибели звездолёта в наших местах, и сразу вспоминается загадка Тунгусского метеорита... Есть у поэта и стихи, посвящённые разным этапам русской

истории, например, о разыгравшейся когда-то в Угличе драме «В сапожках красных из сафьяна» – загадочная смерть царевича Дмитрия, «Варяги» – с любопытной связью слов «варяги» и «враги» – прапамять о древних событиях, сохранившаяся в языке. Мелькнёт Атлантида в стихотворении «Амазонки и викинги». В «Волчьей ягоде» описывается Русь времён Ивана Грозного с её опричниной, разгулом жестокости, от которых стонала и сама Земля:

...Поползли из воды
Жабы с гадами,
Наливались плоды
Злыми ядами.

Загудел
Плетьми
Битый колокол,
Поднялись из тьмы
В рост раскольники.

Кистени звенят,
Бьются гирями –
И покрылась земля
Панегириками.

Колокол, вероятно, из Углича, так наказанный за то, что созвал горожан на расправу с убийцами мальчика. Ему ещё и язык урезали, и в ссылку сослали в Тобольск. Но простили в начале 20 века и разрешили домой вернуться... Раскольники же рановато поднялись – в 16 веке были ещё только еретики типа «жидовствующих», хотя на Волге уже шёл невидимый процесс формирования религиозной оппозиции. Но всё равно, как в детской игре – теплее, теплее! Потому что появится и мир старообрядческий в стихотворении «Горят скиты...»:

Как больно! Снова меня душат
Кровавой памятью стихи...
Скит. Вечер. Сумрачно и душно.
Канон молебный и стихирь...
Старославянский...
К ветхой книге
Невольно тянется рука.
Скрежещет цепь. Гремят вериги.
Лампадка. Тёмный лик.
Пока
Под сруб солдаты тащат хворост,

Колодой подпирая дверь,
Одежды белые...
Как больно!..
Но не теперь...
Но не теперь!..
Мирская боль и память сердца
Из ран...
Спаситель... Два перста...
Суровый чин единоверцев...
Молебн...
Не поднять креста...
Уже за дальнею горою
Заходит солнце...
А вдали
Горят скиты...
Сквозит в оконце...
Поют псалмы
Без маяты...
Уже и
Первый дым сквозь щели...
К босым стопам ползёт
Костёр...
Обнять...
И попросить
Прощенья
У братьев в вере...
И сестёр...
Скит...
В пламя отлетают души...
Канон молебный и стихирь...
Как больно!..
Снова меня душат
Кровавой памятью стихи...

Поэт чуть-чуть ошибся: солдаты не могли скит поджигать – их задачей было захватить старообрядцев для вразумления, пыток и казней. И ответом на такое будущее были их самосожжения, преподносимые официальной церковью как пример их тёмного фанатизма. Драма же раскола – драма всей последующей истории, когда церковь в союзе с государством вели борьбу с собственным народом. Как показала потом история – рыли себе интенсивно собственную могилу! Впрочем, церковь

православная выжила со многими жертвами. Что посеешь, то и пожнёшь... Вот мы и добрались теперь до нашего Китежа. У Глазова он появится дважды. Первый раз в большом стихотворении «Над Ангарой... царил... Байкал» с подзаголовком «Новелла о Царевне Лебедь»:

Жарки, берёза, сон-трава...
– Пора! – кричит сова,
– Пора!
– Вставай! – кричит сова,
– Вставай!
Твой месяц наступает, май...
И силу возвращая в мышцы
Сок жизни из корней струится,
Надрежь берёзу... А потом
К ней припади тревожным ртом...
И пей, пей сладкий сок Земли,
От вечера и до зари...
Другие люди здесь давно...
... С разбегу – в реку!
Темень...
Но...
– Чу!.. Омут!.. Глубь речного дна,
Вода студёная...
... Одна,
Как в чудном зеркале, видна
В мерцанье рыбка золотая...
Луч лунный
Под водой восставит
Град Китеж...
В тонком свете белом
Не рыбка, а Царевна-Лебедь!..
Ну, а вдали, в короне скал,
Над Ангарой...
Царил...
Байкал...

– Спеши!..
Брось сеть!..
Поймай девицу!..
И сразу предложи жениться...
Уговори!
Поладьте миром!

Так, что когда взойдёт Ярило,
Она, любима и нежна
Уже была твоя...
Жена...
Построй с ней дом,
Купи бурёнку,
Чтоб чаша полная ребёнку
Уже стояла утром ранним...
Овечек заведи, баранов...
И научись из шерсти прясть...
Поставь у дома коновязь,
Табун чтоб пастя лошадей...
Когда из леса Берендей
Придёт к тебе с колодой мёда,
Колодец вырой, чтобы ведра
Стояли полные воды...
И карпа запусти в пруды...
И сына вырасти, и дочь...

... Ну, а когда наступит ночь,
И ты поймёшь, что прожил жизнь,
Прощайся с близкими, ложись
На спину...
Или на бочок...
Прислушайся...
Поёт сверчок
За печкой...
Ходики стучат...
И полон дом твоих внучат...
– Пора! – Опять кричит сова,
– Пора!..

Хотя упоминается Китеж, нарисованная поэтом картина ближе к «Беловодью», – второй мечте народа, но уже о свободной спокойной и счастливой жизни на своей земле. Беловодье «земнее» и ближе к русской сказке с её идеалом: «Стали жить-поживать, да добра наживать...». Но обе легенды поднимали в дорогу русских людей – одинокие путники шли искать Китеж, а в Беловодье отправлялись иногда целыми уездами... Уральские казаки ещё в конце 19 века послали на его поиски целую экспедицию... Лебедь же на Байкале также появился не случайно. Это священная птица и у живущих там бурят. Есть любопытная гипотеза о пришедших когда-то в Забайкалье ариях, оставивших сменившим их народам так называемое «белое шаманство», и тогда параллели между

традицией русской и бурятской не случайны, как и появление лебедя в стихотворении Глазова. Другое дело, что у него – Царевна, вероятно, пришедшая от Пушкина или оперы Римского-Корсакова, что, впрочем, одно и то же. Жениться же если надо на лебедице, то, понятное дело, лучше сразу на царевне. Да и тесть, надо заметить, будет человеком влиятельным...

Последний раз мелькнёт Китеж у Дмитрия Глазова в стихотворении в стихотворении «Босые стопы января...»:

Ложась в холодные постели,
Дыханьем согреваю я
В прожилках вен
Твоих астений
Босые стопы...
Января...
Твоей любви нагие руки,
Ланит божественных укор...
– Давай мы завтра манго купим!
– Давай уедем на Босфор!..
За Китеж, Нарву, за Очаков,
Ну, пусть, за Люберцы и Брест...
Ты в чемодан сложила платья,
Сказав, что много в мире есть
Согретых Богом тёплых мест?..
– Как знать, там тесно...
Может, скучно...
И мы, поверь, не тех элит,
Которым о щенках и случке
Бармен по-шведски говорит...
– Прости, но нам копить на старость
Солёным потом и трудом...
Со мной... хотелось и...
Мечталось?
Тогда и... кошка...
На... потом...
... Пока живём в микрорайоне,
Где очень старое жильё...
И я дышу в твои ладони,
И грею утюгом бельё...

На улице фонтан из пара,
Рвёт магистраль...
Здесь жизнь – не мёд...

В горшках
Калину в печке парим,
В бачке ковшом ломаем лёд...

Стекло в узорах
Над постелью...
– Сними носки, согрею я
Босые стопы...

... А за стенкой
Метель,
Подружка
Января...

Кто кого уговаривает уехать в дальние края, даже за Китеж? Есть места и получше его! Не совсем ясно... Вроде женщина уже сложила и платья в чемодан, а дальше вдруг её охватила, так сказать, заранее, ностальгия? Мне кажется, что ностальгия – чувство мужское, для женщины же важнее обычная, спокойная, благополучная и уже этим прекрасная жизнь и особой ностальгии, например, за границей у них не бывает. Чаще всего наоборот! Или проходит она за пару недель в родном отечестве, дым которого, оказывается, не так уж и приятен... Кошку же завести можно везде, благо и плодятся они прекрасно в любой стране. Или же свой родной ад лучше чужого рая? Может быть и так у русского человека – некое мазохистское наше отличительное свойство...

Последними нашими «китежанами» будут Надежда Кудрявцева-Кузнецова и Валентин Павлов... Сборник Надежды Кудрявцевой-Кузнецовой мне попался в Москве благодаря любезному указанию Николая Николаевича Калашникова. Возможности его прочитать у меня не было, хотя я и выписал нужный мне стих. Он называется «Плач Ярославны» и давайте с ним познакомимся:

Плачет Ярославна на Руси:
«Эй, мужчина, где ты, гой-еси?!»
Плачет... без вниманья-пониманья,
Плачет за разлуки-расставанья.
И отдать готова всё – себя,
Чтобы жить, любимого любя.

А ему ея совсем не надо,
И не храма, и не Китеж-града...
И любви не надо остроту
(На экране гонят срамоту!)
В телевизоре посмотрит про любовь –
Разожжёт и сам остудит рыбью кровь.
Что до женщины? – А что тут понимать –
Не жена ему нужна, а нянька-мать.
Чтоб сварила, постирала, стол накрыла,
Разогрела, если что поесть – остыло,
И не лезла в душу эта мать,
Постирушки, постряпушки и... чтоб спать!
Плачет Ярославна, заливаясь,
От мужчины от такого отрекается.
Слёзы – глупость! Как же нам не знать,
Что мужчину надо воспитать!
И мужчина должен быть творец,
Он такой же, как его Отец.
Можно прыгнуть выше головы? –
Прыгните! Тогда и вы – правы.
Плакать бабам, точно знаю я,
И трещит по швам у нас семья.
Русь сегодня для себя – Палач.
Нескончаем Ярославен плач.
Выход вижу только лишь один:
Нарожать и воспитать мужчин.

Ярославна «Слова о полку Игореве» просила древних богов вернуть ей мужа – и просимое получила. Современные Ярославны просят о мужьях, – а мужчинам жены без надобности. Можно добавить, что «разжечь рыбью кровь» можно и легче всего с помощью водки. Остужать же её не надо, она сама остынет, и довольно быстро!.. Выход же, предлагаемый поэтессой – иллюзорный. Нарожать можно только для следующего женского поколения, насчёт же воспитания возможного поспорим... А сам диагноз женский точен и печален... Мне вспомнился древний миф, по которому, боясь двухголовых и четырёхруких людей, Зевс разрубил их пополам и бродят половинки по земле, ища друг друга. И когда встретятся, то и возникает то, что зовут любовью. Но, кажется, русских мужчин разгневанный Зевс разрубил ещё раз и теперь уже мы видим четвертинки, а ей, четвертинке, её потерянная половинка не нужна! Хватит бутылки или компьютера...

Валентин Павлов – поэт и художник. Окончил Сибирский металлургический институт, работал инженером-конструктором, три года был главным архитектором города Прокопьевска.. Участник разных выставок, в том числе одиннадцати персональных. Первый его сборник стихов вышел в 1995 году, к нему мы сейчас и обратимся. Содержание самое разное, что, впрочем, наверно, можно сказать про любого поэта. Тут и лирические зарисовки, как в «Снегопаде над КМК», а на заводе работал сам автор:

Мир затих, перевернулся и пропал –
цельный день над ним колдует листопад.
Весь завод, как удивительный сугроб,
и совсем не деловит и не суров.
Над сугробом трубы выстроились в ряд,
над сугробом печи жаркие горят,
сталевары деловитые снуют,
газировку обжигающую пьют.
Я завод ещё не видел вот таким!
Из-под снега только слышатся гудки,
паровоз вывозит тёпленький прокат –
и прокату бы шубейку напрокат.
Добрый снег ему ложится на бока
– Одевайся,

не остыл ещё пока!

Только зря ты так стараешься, Зима,
у тебя не хватит снега в закромах,
чтоб засыпать, чтоб упрятать на века
под сугробами завод мой –

КМК...

Свет на домнах, точно шубы на плечах,
только жарче стало в огненных печах.

Снега, может, и не хватит у зимы, но у людей возможности больше! И любимый им завод, насколько мне известно, погибает медленно и верно... Есть у него поэтический вариант всем известной с детства русской сказки:

Сидит Алёнушка на камушке.
А над водой плывёт коса.
Сидит она и ждёт Иванушку,
упрямо веря в чудеса.
А вдруг сейчас

возьмёт и выплывет

и, отряхнувшись от воды,

он все её советы выполнит,
и не случится той беды...
И промолчит дитя беспутное,
устало скинет акваланг
и всё на свете перепутает –
мечту и сказку пополам...
А тот, кто сказку эту выдумал,
сказал бы мне:

– Нужна беда.

А без беды,
как торг без выгоды,
и сказка вышла бы не та...
Знать, потому
на том же камушке
сидит упрямо человек,
как будто знает,
жив Иванушка,
вернётся скоро,
через век.

Обращение к современности у него сравнительно редки, что, возможно, и правильно. Есть вечная прекрасная природа и мятущиеся на ней люди. Хотя и ворвутся шумы современности даже в золотую осень:

...С презрением к овациям
пришедших на стриптиз
берёзы раздеваются
под перекличку птиц...

Подобное сравнение из стихотворения «Вы рыжее не любите...» было бы немислимо для русского поэта ещё лет двадцать назад... В сборнике 1995 года привлекает внимание «Размышление у домика Достоевского в старом Кузнецке»:

Край родной,
свидетель бед и бедствий!
Нет, не зря тебя потомки проклянут.
Край утрат и горестных
и крестных.
Здесь убил и Фёдор Достоевский
у бессмертья несколько минут.
И за эти горькие минуты,
за безмолвье дикой тишины,

горько мне
 и стыдно почему-то,
 как от подлой собственной вины.
 Под двуглавой царственной короной,
 проклиная царствие её,
 был народ Российский обворован,
 тех минут и мне недостаёт.
 Не забудь,
 затихнув и заевшись,
 сколько жизней поглотила мгла,
 сколько их
 советских Достоевских
 по сибирским мыкалось углам,
 сколько их,
 забытых,
 полустёртых,
 до предела преданных, своих...
 Что ж ты, Правда,
 вспоминаешь мёртвых!
 Недосуг подумать о живых?
 Неужели
 всё идёт как надо?
 Что-то ждёт нас дальше,
 впереди?
 Неужели надо
 по дороге к правде
 через это каждому пройти?

Можно с поэтом и поспорить... Край-то чем виноват в том зле, которое несут люди? Да и, мне кажется, не были эти минуты для писателя горькими, а была пришедшая к нему полусвобода и свидание с любимой женщиной. Странно, что поэту «недостаёт минут», когда был обворован российский народ, тем более, что он свидетель, как его, народ, обворовали в очередной раз у него на глазах! Поэт прав, когда напоминает нам о безымянных жертвах уже советского режима, тем более, что целые поколения воспитывались на «жертвах самодержавия», но «своих» кому? Да и нет Правды как некоего мистического высшего начала, как это ни печально, а есть люди, присвоившие себе право уничтожать и разрушать... Винить же себя за что-то должны их жертвы! Нет, наверно, грустней и безысходней русской истории. Не случайно и сам поэт выразит желание «в живопись уйти, как в монастырь, чтоб божий век по-божески закончить». Через несколько лет, заметим,

«проклятые вопросы» настигли поэта и в сборнике 2005 года появится «Еретическое»:

Ты скажи мне,
зачем,
от какого недуга
Ты на Землю послал
свой елейный дурман,
чтобы дети твои
убивали друг друга,
чтобы красными реки
текли в океан?
Не к Тебе ли младенец
тянулся сквозь мерзость,
безнадёжно спасенья
у Неба ища?
А Земля хоть однажды
во гневе разверзлась
под ногами убийцы,
как Ты обещал?
Вот и пьём мы Твоё
рукотворное зелье,
с Рождества Твоего
всё пьяней и пьяней...
В чём же промысел Твой
сотворить было Землю,
если детям Твоим
нету места на ней?

Такое восстание против Бога вполне понятно по-житейски, хотя Бог здесь при чём? Люди сами создают себе ад на Земле, а она должна быть Раем... Но не карать же на месте всех преступников... «Елейный же дурман» – на самом деле лекарство, даваемое Богом как спасение от ужаса жизни, но нужное не всем и не всегда... И без него убийцы бы творили своё чёрное зло... А можно религию понимать по печальным строкам поэта первой волны эмиграции Кирилла Померанцева, его горькой мудрости, вернее, горькому вопросу:

Что, если все, о, все, без исключения –
Христос, Лао-цзы, Будда, Магомет –
Не то, чтобы поверили в виденья,
А просто знали, что исхода нет.
Что никогда не будет воздаянья,
Там – пустота и ледяная тьма.

И лгали нам в безумье сострадания,
Чтоб жили мы и не сошли с ума...

Тем более, что поэт и сам отмечает наше странное мышление, когда:

...В бело-красных боях
метко бьём по своим.
О преступных царях
запоздало скорбим.
Уж готовы причислить
даже к лику святых,
как безгрешных и чистых,
преступленья простив.

Замечу, что в его художественном творчестве много сюжетов христианских, особенно часто встречается Спасо-Преображенский собор. Есть загадочное «Предупреждение», любопытна «Дорога к храму», напомнившая мне Чюрлениса... А как интересны «Российские вести» с тремя волками – красного, белого и синего цвета, несущиеся, точнее, летящие, над нашими лесами! Но преобладает пейзажная живопись и здесь можно только позавидовать художнику, влюблённому в свой родной край. В Кузбассе, хоть и индустриальном крае, любовь к родной природе у наших поэтов встречается очень часто. И это немного странно...

Но вернёмся к стихам. Частый мотив его поэзии – это память в разных её вариантах, и конечно, прежде всего память детства. «Потерянный Рай», наверно, любого человека:

Вы меня не поймёте.
К ней,
 в далёкий квартал,
на ковре-самолёте
я тогда прилетал.
Опускался на крышу
за белой трубой...
Суетились мальчишки
голоштанной гурьбой.
И походкой чеканной
через ту детвору
проходил я,
 как Чкалов
по дорожке-ковру...
Мы вдвоём улетали
на персидском моём,

мы ногами болтали
над планетой вдвоём...
Это было

да сплыло,
быльём поросло,
время памятью стылой
тот ковёр унесло.
Детство скрылось за дверью...
Где теперь эта дверь?
И никто не поверит
в эту сказку теперь.

... Нынче сказки другие,
нынче песни не те...
И распластаны крылья
на другой высоте.
Только вы не поймёте
этих странных причуд:
на ковре-самолёте
я, как прежде, лечу.
И как будто проснулась,
окунулась в моря,
улыбается юность –
стюардесса моя.

Будет о воспоминание «Военное детство», и объяснение в любви к
родному городу:

Я в памяти навеки берегу
волной Томи обрезанные горы,
и мачты тополей на берегу,
и улицы твои, любимый город.
Давно просохла,
как печальная слеза,
глухих болот нетронутая сырость...
Ты рос у всех буквально на глазах,
и я с тобою незаметно вырос.
Теперь я далеко.

И дни проходят пусть,
с годами юности, увы, не схожи.
Но я вернусь,
я обязательно вернусь,
и у тебя появится
ещё один прохожий.

как медведь,
 подымалось утро,
потревоженное в лесу.
Унесли воробы оравой.
Где же им,
 босоногим, понять,
если я уж проснулся рано,
мне теперь не уснуть опять.

... Это было давно.
 Когда-то.
Только память твердит:
 «вчера».
Отгремели все круглые даты
и пора возвращаться.
 Пора.

Или в таком прекрасном стихотворении без названия:

Как же это вышло,
 как случилось?
Догорела юность, как лучина,
алым парусом по жизни проплыла,
и скупую вроде не была.
Всё дала,
 как водится,
 по смете.
Как растратил,
 даже не заметил.
Было всё –
 talанты и удачи,
был я в плен удачами захвачен.
Как Христу мне в юности везло
и несло куда-то и несло,
как в волшебной сказке про Конька,
в неизведанную даль,
 под облака.
Подо мной мелькали города
и протягивали руки провода.
Голова кружилась как-то странно.
Городами обрастали странно.
И уже законам вопреки
уносились вдаль материка...

Только понял я не сразу
и не с ходу –
то не страны шли,
то проходили годы.

Простим поэту только неудачное и не совсем мне понятное сравнение с Христом... И, наконец, наше «китежское» стихотворение:

Есть одно безотказное средство
оглянуться однажды назад,
для меня –

это город и детство,
всё равно что рассвет и закат.
Там молочной реки кругами
по проспектам плывёт туман
и кисельными берегами
розовеют вокруг дома.

Я вхожу в эту зыбкую реку,
а навстречу:

– Вставай! Вставай!

Словно первый петух кукарекнув,
из тумана выходит трамвай.
Всё до ужаса

ясно и просто:

до угла,

а потом – поворот,

перекаты,

верней, перекрёстки

переходят прохожие вброд...

Впереди все капканы и сети
и счастливой планиды обман...

Узнаю,

это я на рассвете

выхожу в тот молочный дурман.

Как жестоко придумано кем-то,
чтобы не возвращаться назад.

Может, это и вправду легенда,
как про канувший Китеж-град?

Не по силам мне ноша такая,
тот последний виток на кругу...

Вот и память уже потухает.
словно голос на том берегу.

Он со мной.

Он во мне, этот голос,
то кричит озорно,
то поёт...

В час, когда просыпается город,
просыпается детство моё.

Вероятно, во мне говорит многолетний «китежанин», но мне это стихотворение показалось у него лучшим, и на нём я прощаюсь с Валентином Павловым, чтобы обратиться, – как своеобразное дополнение, – к творчеству ещё ряда наших поэтов. У них нет упоминания града Китежа, но явно просвечивает великая легенда – и мне показалось неправильным забыть о них на этом основании, в общем-то, формальном...

Николай Колмогоров уже ушёл из мира живых, но остались его стихи. Мне понравился его сборник «Хлеб исканий» 1993 года обострённым чувством русских бед, и чувствовалось, что через сердце поэта, по Гейне, прошла трещина мира. Сборник вышел в период «щенячьего» оптимизма начала Перестройки, и, что любопытно, поэты в ней не обманулись сразу, что я уже отмечал, когда писал о Донбае или Зубарева. Вот и Колмогоров говорит о «бродящей по отчизне смуте», или о будущих бедах, потому что:

Дорога к миру заросла штыками.
Не уступить и пригоршни земли.
И разговор ведётся языками,
раздвоенными, как язык змеи.

И ужас этой жизни безобразной
невыносим не потому, что глух,
а потому, что Истиной прекрасной
себя избавил поверять наш дух.

Приведу его полное надежды своеобразное заклинание «Родине»:

Ряды твоих святых, их нимбы золотые
да охранят тебя во времена лихие!
На полчища когтей, на заговор клыков
пусть мёртвый сон падёт из белых облаков.
Пусть светлая руда быстротекущих дней
омоет наготу наивности твоей,

и этот страшный век, пожравший сам себя,
запомнится как гром Господнего суда.
Ведь всё, что на земле случилось и случится,
всё, что на жизнь и смерть о камень дней двоится,
всё это эхо лишь, всё отзвук болевой
мятущихся пространств, где пышет вечный бой!
И ты в рыданиях дней, носимая как в море,
терпением жива, и все твои недоли,
что пламя у холма, что бездна у дверей,
до сердца вопиют привычностью своей!..
Но сказано уже: всему пролиты сроки.
Затемнены глаза, запутаны дороги,
и всё же час настал, Спаситель поднял щит
на битву с сатаной – и Светом победит.

Дай, как говорится, Бог... Но пока, похоже, да простится мне
кощунство, вроде сатана побеждает...

Поэт побывал в местах нашей древней истории, а где именно, можно
узнать из его биографии, но мне она не встретилась. Но появился
своеобразный цикл стихотворений, приведу три из них:

На полынном валу крепостном
белокаменный кремль наплывает
и тропа в полумраке лесном
ниткой тайны вперёд убегает.
Через ельник и липы пройди,
и дыханье стеснится в груди:
это древнее, это родное!
Разве мыслимо что-то иное,
кроме – будто меж явью и сном! –
окруженного думами пашен
камня белых чешуйчатых башен
на полынном валу крепостном?!

Чем «убегающая ниткой» тропа – не «тропа Батыева» китежской
легенды? Или следующее:

Храм не храм, а как будто бы облако
и луга, и щетина лесов,
и следы позабытого волока
к горизонту, в страну праотцов –
вот такую, широкой и древнюю,
Русь, ещё открываешься ты!

И люблю над твоими деревьями
звёздный ворох ночной немоты.
Знать не знать бы, что где-то за далями
потрясён человеческий дух
и согнуло земными печальми
столько вдов и калек, и старух!
Но в пространстве, где плавают спутники,
и на тверди болящей, земной
узел жизни, завязанный судьбами,
напитался единой виной.
Потому над равниною мгlistою
нет мне радости и полноты,
и слезою своей материнскою,
Русь, ещё омываешься ты!..

А вот ещё одно той же тематики:

Древний город, забытая быль,
все твои переулки и храмы
замела, пересыпала пыль,
обметали густые бурьяны.
Здесь венчался наследник царя,
здесь татары огнём проходили,
здесь морозной порой декабря
партизан безымянных казнили.
И как будто бы даже видны
у обрыва, где пусто и глухо,
тени виселиц прошлой войны
над рогожею русского луга.
Широко. Далекo. Высоко.
И сады одеваются цветом.
Но бывoе понять нелегко
по его настоящим приметам.
Середина России. Песок.
Голубые, последние ставни.
Не понять: кто ваял, кто берёт,
кто взрывал
эти старые камни!..

Увы, в России сталкиваются часто не добро со злом, не свет и тьма, а две равноценные Правды, и в схватке тогда и проигрывают обе, и побеждает разного рода зло... Об этом и говорит поэт, и в других стихотворениях, например, «Я ехал ночью на коне...»:

... Здесь красные бойцы врагу
в бою

 не уступили пяди.
Здесь белые ряды во мглу
сошли святого дела ради.
Не поделив родной земли,
не кончив яростного спора,
и те, и эти полегли
в польнь великого простора!..
Россия-мать, пришла пора
понять пути
 и тех, и этих,
коль вечно заповедь добра
живёт на милосердном свете...

Не получится, к сожалению. И хотя у нас сейчас и появился день народного единства, его ввели люди, Россию ограбившую и желающие теперь украденное у народа сохранить!.. Какое единство может быть у олигархов с нищим народом? Горькая насмешка только получается... И по-прежнему наша единственная оппозиция – коммунисты – смотрят в прошлое, не признавая правды современной. И, к сожалению, они во многом правы, но что можно предложить взамен? Сталина? Избави боже... Вот и остаётся уповать на Русь невидимую. А она, китежская Русь, так чудесно ощущается в наших древних городах... Есть надежда и у поэта:

Ни трав, ни цветов – только полдень сырой
да ветер несётся толчками!
Пустынною острою этой порой
и слякоть мила под ногами.
Пойду я пытаться одиночество дум
подальше, подальше от дома,
чтоб этот древесный мятущийся шум
рвал душу и сердце знакомо.
Навстречу мне встанет полей чернота,
суровость в чертах и во взорах...
Но, отчина, в этом твоя красота,
и сладко мне зябнуть в просторах!
Родные, родное... В который уж раз
утешусь крупницей печали,
что страшному жребия Бог не отдаст
и эти забытые дали.

Но, замечу ещё раз, – нет надежды на людей...

И, наконец, у Николая Колмогорова «китежский» мотив, мне кажется, можно наиболее отчётливо увидеть в его стихотворении «Настанет время уезжать...»:

Настанет время уезжать,
накатит гул простора
и листья кинутся бежать
под вихрем с косогора.
И дрогнут вербы гущиной,
а поперёк теченья
подёрнет мелкою волной
собора отраженье.
И свет высоких белых стен,
шеломы золотые,
и тени старых рвов, и день
пришествия Батыя –
всё это схватится в душе
и загустеет тайной
на пограничном рубеже
реалий и преданий!
И прежде чем иглой в стогу
времен бескрайних кануть,
я на прощанье, как могу,
хотел бы сердцем глянуть
на колкий холодок стерни,
на столбик колокольни,
на всё, во что навек вросли
вершины, ветви, корни...
Прости мне, древняя земля,
что не воспел как должно
ни эти гулкие поля,
ни даже куст дорожный.
Но уходя из этих мест,
я тем себя утешу,
что духу цельности окрест
хотя б поклон отвешу.

У поэта не упоминается само слово Китеж, но было бы печально на таком слегка формальном основании оставить его в стороне... В заключение мне хочется привести стихотворение Владимира Ерёменко, посвящённое «Памяти Николая Колмогорова»:

Снег с дождём в окно цветущим летом!..
Пухом телу твоему земля...
А душа, исполненная светом,
Созерцает дальние поля –

Горнии, небесные селенья!
С детства возжелавшие высот,
Пусть она своё упокоенье
На блаженных пажитях найдёт.

Пусть до срока Господом благого
Молится и плачет о Земле,
Пусть твоё молитвенное слово
Бережёт блуждающих во мгле.

Валентин Махалов родом из города Горького, хотя и прожили там его родители меньше года. О своей жизни он сам рассказал в предисловии «О прожитом и пережитом» к своему большому сборнику 1999 года «Вечерний разговор». Я, естественно, не буду его повторять, но только отмечу, что детство его прошло в деревне Елдеж Приветлужского края, вспоминает он и свою бабушку, знающую множество сказок и бывальщин. И можно не сомневаться, что и легенду о Китеже поэт услышал ещё в детстве. Хотя будут и ФЗО в Горьком, и село Мильково на Камчатке, и даже год обучения в мореходном училище во Владивостоке. Любовь к литературе победила, и Валентин Васильевич учится на факультете журналистики Ленинградского университета, после чего его жизнь будет связана с Кузбассом. В 1960 г. он часто приезжал в Елдеж, «дышал сладким воздухом моего детства»... Позднее он не раз вспомнит о своём детстве, например, в «Малой родине»:

Родина наша малая
Там, где родился и рос, –
Связана с лаской маминой,
С лепетом белых берез.

Родина наша малая
Там, где в тяжелый год
Сердце твое усталое
Чутьочку отдохнет.

Родина наша малая
Там, где в прощальный час

Зори восходят алые,
Добром поминая нас.

Вспомнит он позднее и родную речку детства:

Ручейками повелевая,
Вся в приглубках и омутах,
Неторопкая Хмелевая
Протекает в родных местах.

Эта речка мне часто снится,
И во снах моих шелестят
Детства солнечные страницы,
Словно крылья перепелят.

Перевиты душистым хмелем,
Пеньем птиц до краёв полны
И черёмуховой метелью
Берега её в дни весны.

И ведёт, петляя, дорожка
Сквозь кустарники вдоль реки
К омутку, где клюют сорожки
И проворные окуньки.

Хмелевая – речушка славная –
Через детство течёт моё.
Я освоил искусство плаванья
В невеликих водах её.

Мне впервые счастье пригрезилось
Возле этой тихой реки.
В первый раз дыханье поэзии
Здесь коснулось моей щеки.

Мне кажется, что именно деревенское детство или, вариант, в тихих провинциальных городах и даёт такое ощущение счастья потерянного, но без которого жизнь последующая была бы не полна. И тогда можно только пожалеть москвичей, к примеру, хотя вот уже Петербург ближе к провинции... Но будет и ещё одна причина подобного обращения. Назовём её условно «тоской несвершившегося» – ибо не у всех бывает такой выбор, и что лучше – мир сложной цивилизации и культуры или такая растительная жизнь простого человека?.. Раздумье над таким выбором встречаются у поэтов часто – от Ахматовой до, если брать поэзию местную, Валерия Берсенева... Есть и подобный мотив у Валентина Малахова:

Если б только мне знать заранее,
Что полжизни уйдет потом
У меня на стирание граней
Между городом и селом,
То я жил бы провинциалом,
Сеял жито, растил детей.
Не спеша бы время бежало
Вопреки земной суете.
Я бы дом добротный изладил
И работал бы дотемна,
Чтобы тихим ласковым взглядом
На меня смотрела жена.
Так и жил бы под небом синим
Без чинов, без больших заслуг
И учил бы старшего сына
Деревенскому ремеслу...
Сожалею, что так не случилось,
Все бывшее бывшем поросло.
Но нестертою грань осталась
Между городом и селом.

Но, мне кажется, предложи студенту Ленинградского университета подобный вариант жизни – и он был бы с раздражением отброшен... Хотя поэта можно понять, если ещё вспомнить, что его малая родина не случайно была воспета такими классиками русской литературы, как Мельников-Печерский...

Как и другие наши поэты, Махалов тяжело воспринял наши перемены, справедливо усматривая в них какую-то бесовщину:

Что-то соловья давно не слышно
Ни вблизи городов, и ни в глуши.
Видно, песни запретил ему всевышний,
А вот карканье воронье разрешил.

Свадьбы – реже.
Чаще – похороны.
И беда стучится в каждый дом.
Заслонили белый свет вороны
Чёрным лакированным крылом.

Солнце утопает в грозных тучах,
Молнии кромсают небосвод.
Мы ещё надеемся на случай –
Вдруг нам вправду завтра повезёт.

Повезёт, когда ударят звоны
Русских вечевых колоколов.
И слетят, шарахаясь, вороны
С золотых церковных куполов.

Опять надежда только на чудо... Не хочется обижать православную церковь, но такое ощущение есть не только у меня, – что «вороны» эти прекрасно себя чувствуют и на церковных куполах и никуда с них не полетят! Да ещё и стервятников тоже в России современной хватает... Но я не буду далее говорить о творчестве поэта, а только остановлюсь на мотивах «китежских». Мелькнёт в его стихах речка Люнда, а она недалеко от Светлояра:

Незаметная, тихая, зяблая,
На угорье у Люнды-реки
Заневестилась дикая яблоня
Холодам и ветрам вопреки.

Далеко ей до яблонь породистых,
Что собой украшают сады,
Хоть на них и похожая вроде бы,
Но помельче, погорше плоды.

Чем она и богата и счастлива
И какие в ней силы бурлят,
Понимают лишь солнышко красное
Да родимая наша земля.

А она, их дитя незаметное,
Одинокое здесь на ветру,
Даже самую малою веткою
Отвечает на их доброту.

Будет у него и «Ратная тропа» – пересказ легенды о следе ратников Ивана Грозного, а это поздний вариант другого предания – о «тропе Батыевой» оставшейся после движения его армии:

Сквозь глухую чапыгу
И тощий осинник
Мимо Нижнего
Грозной волной
Прокатились полки
Самодержца России
На Казанскую землю
Войной.

Шли в посконных рубахах
Мужичье и холопы
Молчаливой сутулой
Суровой толпой.
И пробитые просеки,
Узкие тропы
Становились единою
Ратной тропой.
По ночам на дыбы
Поднимались кострища.
Ухал филин
В болотной кержацкой дали.
Занималась заря,
И за тыщею тыща
Шла, вминая траву
В размягченное тело земли.
С тех времен
Миновали седые столетья.
Много троп и дорожек
Быльем поросло.
Но осталась тропа,
И поньне заметна,
По которой державное
Войско прошло.
Я, потомок
Мужицкого древнего рода,
До конца понимаю,
Что вовсе не зря
В трудный час
Под тяжелой стопою народа
На века прогибается
Наша земля.

Наконец промелькнёт у него и само предание, пусть и без упоминания Китежа, в замечательном «На Керженце», которым я и закончу разговор о поэте:

Над Керженцем молний косое письмо.
Над Керженцем ухают громы.
Здесь воздух настоян на запахе смол,
На горьком дурмане черемух.

Старинных преданий неподнятый клад
Хранят его мрачные воды.

Здесь ели в монашеских рясах стоят,
Как древние стражи природы.

Суровые тайны доверены им
Седой богомольною Русью.
О них мы с рекою всю ночь говорим
С печальной сдержанной грустью.

На жарком костре полыхают дрова,
Задумчиво булькает чайник.
По-прежнему Керженец скуп на слова,
По-прежнему щедр на молчанье.

Во мне он не сразу признал своего,
Хоть, старый обычай приемля,
Я встретил с глубоким поклоном его
До боли мне близкую землю.

Здесь в каждой деревне я пил из ковша
Хмельную медовую брагу.
И сразу моя наполнялась душа
Веселой былинной отвагой.

Я слышал исконную русскую речь –
Мне в сердце она западала.
Здесь люди веками умеют беречь
Ее золотое начало.

Пусть кто-то мне это поставит в вино,
Но я говорю, не скрывая,
Что я всей душою люблю старину
Сурового этого края.

Я рос на неласковой этой земле,
Где жали пшеницу серпами.
И с этих далеких мальчишеских лет
Храню о ней добрую память.

И если меня кержаком назовут,
Я брови не сдвину сурово.
Я верю, что правильно люди поймут
И это дремучее слово.

В 2004 году вышла большая, на шестьсот страниц, антология «Поэты университета», из которой я узнал о ряде неизвестных мне ранее поэтах. Встретил я там и родные мотивы, например, у Виктора Никитина, к сожалению, рано ушедшего, в стихотворении «Кресты над водой»:

Мы привыкли к крестам на земле.
Мы привыкли их не замечать!
Наше прошлое скрыто во мгле,
И не просто его отыскать.

Мы привыкли к крестам на земле,
Но кресты... над водою стоят!..
В том затопленном русском селе
Наши, русские, люди лежат!

Страшный знак этот крест над водой!
Из бездушных угрюмых пучин
Не подняться церквушке уж той, –
Только крест над водою один!

Мы не знаем обстоятельств написания стихотворения, но уходит Россия под воду уже против своей воли. Не спасение святого града Китежа, а гибель его... Может, это и наши «рукотворные моря» – странный предмет гордости советской власти, – и стоит до сих пор калязинская колокольня в Рыбинском море, или море Братское... Но можно стих понимать и метафорически – и стоят кресты над тонущим крестьянским миром... Он исчезает у нас на глазах... Поэт, правда, видит рай в доме родном, семье, природе – «Рай» 1990-го года, но можно ли там скрыться от народной беды, называемой «демократизацией», «вхождением в цивилизованный мир» и тому подобными словами? Вряд ли, хотя другой поэт – Андрей Правда – и мечтает, что:

От шума пыльных городов
И я когда-нибудь устану,
И я от поезда отстану
В краю сосново-хвойных снов.
Пусть где-то спрятанный в урмане
Отыщет сердце тайный скит,
Где свечкой тонкою горит
Душа таёжной глухомани.
И жить там сдержанно и строго.
Храни покой, замшелый тын!

Пусть тянет мёдом от вошин
И веет домом от порога,
Древесным маслом от лампы,
От свежих выскобленных плах.
Пусть золотом горят оклады
На потемневших образах,
И... петухи на полотенцах!
С простой посудой поставцы...
И пахнут вымытым младенцем
Там церкви рубленой венцы.

Вряд ли желание поэта осуществится... Ведь какой интеллигент временами не мечтает о деревенской жизни! Почему бы о затерянном в тайге Китеже не пометать хотя бы временами...

У Виктора Коврижных вышло три сборника стихов, мне доступны оказались два, то есть почти всё, им изданное. Начну с последнего – «По Токовинской дороге», так мне в данном случае будет удобнее. Как пишет сам автор, «родился 5 ноября 1952 года в старинном селе Старобачаты Беловского района. На моей родине есть всё, чтобы полюбить, стать счастливым и запеть: бескрайние сосновые леса, охватывающие село полукругом, зелёные холмы с берёзовыми околками, земляничные поляны и пригорки, синее небо и обрамлённая тальником и черёмухой тихая речка, чтобы по ночам было куда смотреться звёздам...»

Пропущу его биографию. Сейчас он снова живёт на родине и работает журналистом в газете «Открытые горизонты» и, судя по его стихам, да и личному признанию, считает себя счастливым человеком:

Везёт мне: я родился и живу!
На родине. У солнца на примете.
Кошу с отцом на пасеке траву
И жить мне очень нравится на свете!

Просто можно позавидовать, вроде счастливых людей и не осталось в России... Но это на первый взгляд! Счастливых людей, возможно, очень много в русской провинции. Где не найти женщину в брюках! Где не следят за политикой! И очень близки к природе – дарованный нам свыше бальзам от всех ран и проблем, часто надуманных... Такой вот индикатор странный... Только бы жил и дальше этот чудесный мир параллельно с предложенной нам «цивилизацией»:

Всё перестроили в русском краю!
Только не трожьте деревню мою.

Тихие улочки древних Бачат.
Ветры степные полынью горчат.

В купах черёмухи и тальника
белую лебедь лелеет река.

Щука с Емелей и чёрт с водяным
мирно живут за окошком моим.

Звоны и ягоды в травах густых
вспомнят заглавия сказок моих.

Яви и вымысла зыбкая грань.
Здравствуй, лесная моя глухомань!

Милая родина, вечности птах,
здесь и воскресну листвой на кустах!

Тешьтесь вы, – господи! – в вашем раю!
Только не трожьте деревню мою.

Белая лебедь томится во мгле,
трудно не петь мне на этой земле...

Согласимся с поэтом. Но как любопытны последние строки. Говорят, что эстетическое чувство заложено у нас от природы, но спит или гаснет в современных городах. И просыпается в тиши деревенской, но ещё и в горах, на берегах озёр и рек... Сразу вспоминаются строки Пушкина:

Я был рождён для жизни мирной,
Для деревенской тишины.
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны.

В. Коврижных безошибочно нашёл лучший вариант жизни в наше время, и можно только ему позавидовать белой завистью... Но лекарством будут и стихи, пусть часто и немного стоящие:

Читал мне юноша печальный
свои невзрачные стихи:
набор красотостей банальных
и громогласной чепухи.
– Вы – не поэт! – сказал я вкратце, –
зачем штурмуете Парнас?
Ответил с грустью: – Матерятся
и курят девушки у нас...

Интересно, а деревню русскую подобное бедствие коснулось и там сейчас девушки тоже такие? Не знаю...

Русский народ донёс с языческих времён великое сказание о Голубиной книге – священное предание, бережно переданное Николаем Заболоцким:

... И слышу я знакомое сказанье,
Как Правда Кривду вызвала на бой,
Как одолела Кривда и крестьяне
С тех пор живут обижены судьбой.
Лишь далеко на океане-море,
На белом камне, посредине вод,
Сияет книга в золотом уборе,
Лучами упираясь в небосвод.
Та книга выпала из некой грозной тучи,
Все буквы в ней цветами проросли,
И в ней записана рукой судеб могучей
Вся правда сокровенная земли.

Есть и другие сказания подобного рода, в том числе и у нашего поэта, – с жуткой архаикой таинственного мира:

По Токовинской дороге
в сумрачном царстве болот,
в старой медвежьей берлоге
филин столетний живёт.

За гробовое молчанье
прячется чёрная весть.
Страшно бывать здесь ночами –
лешие водятся здесь.

Ржавые травы трясины
веют сипеньем гадюк,
робко трепещут осины,
сбившись испуганно в круг.

Всюду обман на обмане,
нежить, зловоние, яд.
Рядом по горло в тумане
мертвые сосны стоят.

Дальше – печаль бурелома,
там в лишаях и во мхах
ропот остывшего грома
в серых ютится камнях...

Что за судьбу напророчит
голос сокрытый, глухой? –
Филин глумится, хохочет
над человечесьей тщетою...

Сказывал местный народец:
мол, в этих дебрях беды
спрятан заветный колодец,
полный бессмертной воды.

Были герои, искали
да ничего не нашли.
Канули в топях, пропали,
мохом следы поросли

Где тот источник заветный,
ключ от небесных палат? –
Леший да филин столетний
Вечную тайну хранят...

Слышишь, как воеет ненастье
там, в токовинской ночи?
Это народного счастья
ищут золотые ключи.

Свои Бачаты поэт вспомнил в поэме «Москва исповедальная», в которой герой поэмы попадает на царящий в столице дьявольский шабаш, очень красочно и выразительно описанный, но я его пропущу:

...Средь опереточного грома
я был чужим здесь и смешным,
с любовью к Родине и дому,
с любовью к женщинам земным.

В другом стихотворении поэт нам скажет, что делать, как и другие поэты, вспомним Валерия Зубарева:

...А подвиг вот: счастливая жена,
нарядный дом с достатком и уютом.

Норма европейской жизни у нас стала в годы Перестройки подвигом для многих людей... Действительно, в наше время так трудно просто остаться человеком – не спиться, не озлобиться на весь мир, да и не просто стать похожим на правящую нами «элисту».

Обратимся теперь к мотивам невидимой России. Они у поэта есть. Это и стихотворение об исчезающем крестьянском мире «В Токовой»:

Когда-то здесь была деревня,
кипела жизнь до перемен.
Теперь – покосы да деревья
и ветхих изгородей тлен.

На всем печать былой опалы.
На месте изб и погребов –
быльём заросшие провалы
и сырость с запахом грибов.

Журавль колодезный, глядящий
над сгнившим срубом в небосклон,
кусты малины одичавшей
и мелких ягод сладкий стон.

...И кто-то ведал мне когда-то,
что здесь в бурьянах Токовой
ночами плачется кудлатый,
бездомным ставший, домовой.

Медовый зной лесных полянок
прольётся лёгкою волной
на пожелтевший конопляник,
на чернобыльник надо мной.

То ль шёпот сосен на опушке,
то ль осеняя мой визит,
душа снесённой деревушки
в листве незримо просквозит.

И вздрогнет сердце виновато,
и растокуется в тоске,
как будто здесь я жил когда-то
в далёком детском далеке.

И тополь с тёмною скворечней
сухою веткою скрипит,
как будто жалуется встречным,
что здесь один он и забыт.

И заклубит перед глазами
попынным маревом окрест...
И правит сердцем и словами
родная память этих мест.

Сколько таких неприкаянных «душ» сейчас по всей России. Плачет, наверно, и земля, расставаясь и, возможно, навсегда с жившим на ней тысячелетия народом... Дважды я встретил у него мотив «прапамяти», например, в «Душе моей родины...»:

Душа моей родины – дудка зелёная...
Протяжным минором раздвоена мгла.
Я долго не верил, но в доме под клёнами
меж счастьем и смертью душа изошла.
Я думал о счастье, и дудочка пела
о светлой мечте и высокой любви.
И всполохи мая черёмухой белой
в моей до сих пор полыхают крови.
Когда вспоминалось о павших и умерших,
озябшая в росах дрожала трава,
толпились за мною зелёные сумерки
и в скорбную душу вдыхали слова.
И в вены мои с неизведанной грустью
текли времена из живой темноты.
Так входит река в своё древнее русло,
берегам возвращая былые черты...
Зачем это мне наважденье такое? –
Вот дудочки голос с незримых высот,
и слышно, как топчут вдали за рекою
ордынские кони полынь и осот.
И даль отразится предчувствием странствий:
тропа вдоль реки и мерцанье огня.
Я знаю, что там, в отражённом пространстве,
мой пращур и правнук встречают меня...

Или в следующем стихотворении, где опять появится и исчезающая деревня, и образ «глубины»:

По следам отгоревшей любви,
вдоль крапивы у ветхих заборов
зябко двери скрипят и в крови
бродит ветер осеннего бора.

Словно прошлой беды сквозняки
постучали тревожно в ворота, –
взмыли чёрные вдовьи платки
и распяли за поворотом...

Это было совсем не со мной,
но осталось наследственно в генах:
плач вдовы над речною волной
и тревожная оторопь в венах.

Будто в мире остался один!
И всплывёт над дворами пустыми
из глухих позабытых глубин
озарённое в сумерках имя.

Словно воля неведомых сил
правит кровью моею с рожденья,
чтобы я ничего не забыл
и других не обрёл на забвенья...

И, завершая, вернусь к его первому сборнику «Я, наверно, родился не зря», вышедшему в 1990 году с предисловием уже нам знакомого Валентина Махалова. Предисловие мне показалось немного странным, особенно когда В. Махалов говорит, что поэт «...по сей день ещё не может освободиться от юношеского, я бы сказал, в чём-то принудительного оптимизма, которым все мы когда-то перестрадали», – мне метнулось первым под глаз его стихотворение «Снег шахтёрского города»:

Чёрный снег, чёрный снег, чёрный снег,
под ногами устало скрипит.
Он сойдёт, он сойдёт по весне,
а во мне он залёг – не избыт,
как вина за себя ль, за чужих?
Он скрипит над душою моей!
Я боюсь, что отпущенных дней
мне не хватит его пережить...

Оглянусь и ослепну на миг:
пробивается девственный свет,
словно детский пронзительный крик, –
на снегу мой оставленный след...

Никакого особенного оптимизма я в этом стихотворении не увидел... Это было во время «беловского» периода жизни поэта, и очень хорошо, что позднее оптимизм к поэту вернулся. А вообще это редкое явление у нас на Руси – умение или, скорее, способность радоваться жизни. Как умел, например, ранее цитируемый мной Николай Бабкин. И у поэтов такое мироощущение ещё реже встречается! На весь Серебряный век

таким был только Бунин, а на весь 19 век – Пушкин! Большинство поэтов – люди, так сказать, страдальческие, что им в общем не упрёк...

В первом сборнике Виктора Коврижных удачным мне показались его «Три этюда о камне», но я ограничусь приведением последнего его стихотворения, где мне послышались звоны Китежа:

Пой мне, дудочка зелёная, играй!
Снова сумерки сиренью зацветут.
На дорогу выйдет августовский май,
уведёт меня задуматься на пруд.

Под водою зазвенят колокола,
замерцают звуки бликами в воде.
В дом заветный на окраине села
постучится сон о счастье и звезде.

Я волшебные слова произнесу,
чёрт знакомый мне откликнется в лесу.
(Чёрт – полезное желание, и он
будет мною от гонений защищён.)

Завораживая сумерками кровь,
ночь вольётся речью медленною в стих.
Напоит слова живой водой Любовь,
и светлей, наверно, станет мир от них...

Пой мне, дудочка зелёная, во мгле –
необъятное в объятых оживёт,
невозможное возможно на земле,
пока дудочка зелёная поёт.

У Владимира Ерёменко вышло два сборника – «Белый инок» и «Высокий день». Остановлюсь сначала на первом. Как отмечает в предисловии Борис Бурмистров, его название взято автором из стихотворения архиепископа Сан-Францисского Иоанна (Шаховского) «Белое иночество».

«Белый инок – человек, живущий в мире по заповедям Божиим, почти как в монастыре, смиренно не выделяясь среди других людей. Белый инок – идеал человека-христианина».

Заглавное стихотворение сборника, которое дало название и всему сборнику, – это камертон ко всей книге, ключ к пониманию всех её стихотворений.

Белый инок – авторский лирический герой, проходящий через все стихи сборника, через всю жизнь самого автора, герой мучительно и радостно старающийся жить на Земле по законам Неба. Как получается, как не получается это – всё в стихах Владимира Ерёменко. Но основное направление пути верно. И это подтверждается тем, что рукопись книги одобрена и получила благословение... архиепископа Софрония.

Приведу это стихотворение:

Кто Христовы,
Тем и смерть легка.
Но свинцовы
В небе облака.
Утесенье
Изнутри, окрест.
Но – смирение
И Господень Крест.
Дождь. Суглинок.
Первый снег к утру.
Белый инок.
Монастырь в миру.

Православная поэзия часто лучше, так сказать, «атеистической» хотя бы запретами на любимую сейчас многими поэтами ненормативную лексику! Да и темы она будет ставить не связанные с ненужным «самовыражением». Тем не менее с поэтом можно и поспорить... Какое у верующего человека может быть «утеснение внутри»? Он что, мучается взятыми на себя обетами? А я так понимаю, что для христианина как раз и будет характерна внутренняя свобода. Сомневаюсь я и в «мирском монастыре» поэта и поводом для сомнения мне служат ряд его стихотворений. Впрочем, сомнения у меня возникли на основании второго сборника. Позже я к нему обращусь. Пока же отметим, что большинство стихотворений сборника действительно основаны на религиозной тематике, но не все. Поэт часто пишет о природе, любопытно его своеобразные хокку:

Смотрю, в цветочном горшке
Гвозди растут –
Дочка их посадила!

А потом они, кстати, и зацвели от постоянного поливания – чудо маленькое на дому!

Или вот ещё одно хокку:

На солнце гляжу –
И диск голубой на светиле,
И обруч горит золотой!..

Будут у него в сборнике и такие трагические ноты, как в стихотворении «В огне горят колокола...»:

В огне звонят колокола,
Вся Русь в огне,
И сердце выжжено дотла,
И сон во сне.

И пробужденье не несёт
Покой душе –
Кошмарной явью предстаёт
Весь мир уже.

Пылает в душах тёмный лес
Со всех сторон,
И вырастает до небес
Армагеддон.

Стихотворение не кажется мне удачным. Пусть «Русь в огне» и Армагеддон этот приближается, но, насколько я понимаю, близость Страшного Суда для верующего человека не только не страшна, но и, извините, желанна, так как завершится преобразованием мира... Праздник это! Или я ошибаюсь? И как в душах «тёмный лес» пылает? С другой стороны, и хорошо, – освещает эту душу плохую изнутри! Впрочем, эти мои рассуждения, вполне возможно, покажутся примитивными с точки зрения логики религиозной... В другом стихотворении поэт утверждает, что:

Убога Русская дорога,
Глуха, да важно не свернуть, –
Кто в Небесах прозреет Бога,
Тот и земной осилит путь.

Может быть... Но что делать тому, кто Бога не «прозреет»? Не будет для него земного пути? Мне кажется, что люди верующие, незаметно для себя, начинают делить людей на «овнов» и «козлиц» и отталкивают от земного пути людей неверующих. И всё-таки остаётся без ответа другой и более важный вопрос – почему «убога русская дорога»? Знать бы хотя бы примерный ответ... Я, например, не знаю... Есть у и образ невидимой России – в стихотворении «Город издали»:

Строится Белый Храм,
Видит его не каждый.
Но, прозревая, там
Встретимся все однажды.

Вместе под гулкий свод
Ступим – едины сроки,
И ощутим исход,
И освятим истоки.

Каждый себя в другом
Сердцем почует сладко.
Ну а пока кругом
Вздыбилась стройплощадка.

Мусор, отходы, хлам,
Серых дождей завеса...
Строится Белый Храм,
Светлый, встаёт над лесом.

Белый Храм – религиозное возрождение России? И встретятся там просто все или только строящие его?

В его втором сборнике «Высокий день» мы также найдём и пейзажную лирику, например, цикл «В горах». Мне понравилось его «Озеро», о любви поэта:

Озеро.
Зелень оврага.
Жизнь весела и легка.
И ребятишек ватага,
И лебедей облака
Плещутся в озере сонном,
Не нарушая покой.
В небе высоко-бездонном
Мы повстречались с тобой.
Всё на мгновенье забыли,
Гром прокатился в сердцах...
Белые лебеди плыли
В озере и небесах.

Это и ряд подобных стихотворений и вызывают у меня сомнения в этом «Монастыре в миру». Такое бытие, в общем, возможно, и подобным путём пошли когда-то, например, Алексей Фёдорович Лосев или Сергей Николаевич Дурылин, но из стихов мы узнаём, что у поэта есть жена и дочь... Значит, не монастырь! Кстати, а почему поэт встретился со своей

возлюбленной «в небе», когда на берегу озера? Впрочем, здесь я торгаюсь в запретный мир личной жизни...

Хотя он и обратится снова к этому миру невидимому в «Монастыре в миру»:

А в мире жить не по-мирски,
Мирских сует остерегаться,
Чтобы потом не оказаться
В тисках безвыходной тоски.

Для глаза внешнего – пустырь,
Но Царства Вечного достоин,
Молитвой тайною построен
В миру незримый монастырь.

Слезой спасительной горит
Огня сердечного лампада...
Неугасая говорит
О том, что жить по Богу надо.

Близки к китежским мотивам его цикл «Россия» с её бедами и надеждой:

1

Вновь слышу голоса из тьмы,
Из тьмы веков – глубин сознания.
Вновь смерчи чёрные чумы
Раскачивают мирозданье.

Трещит до досточки Ковчег,
Разламываемый ветрами.
Мяётся тенью человек
Между гудящими кострами.

Взлетают волны бытия,
Диктуют все его движенья.
И человек тот – это я,
Я продолжаю погруженье

Во тьму насколько хватит сил
И света моего сознания...
Из мглы разверзнутых могил
Всплывает прах воспоминанья.

Впрочем, далее в стихотворении происходит непонятный мне переход от непонятно кем произносимого проклятия России, – до неожиданного её возвеличивания:

... Всему живущему в свой срок
Пройти сияние горнила.
Россия Запад и Восток
В себе самой соединила.

Россия – место, где из нас
Любой открыт перед Тобою,
Где ясный сам себя отдаст,
Где тёмный мучается тьмою.

Где в каждом сердце вновь и вновь
Рождает подвиг свой Мессия.
Открыта каждому Любовь,
Открыта каждому Россия!

Опять грустный для мыслящих людей русский мессианизм. И когда мы от него избавимся? У меня такое ощущение, что поэты произносят своего рода магические заклинания, убеждая самих себя и мир в особом статусе России. Или думают, что, опять-таки по древней магии, сказать – значит, вызвать к жизни... Возможно, что и правильно делают – с идеей особого значения страны легче жить... Хотя заканчивается маленький цикл чудной зарисовкой:

3

Качнулись Звёздные Весы,
Рассвет Господень наступает.
Россия – капелька росы,
В ней вся вселенная сияет.

И последним приведу стихотворение с «китежским» мотивом:

Полонили Россию бедой.
Понаехали, Боже, откуда?
Затопили деревни водой,
Понакликали лиха и худа.

Разорили твои города
И глумятся над верой святою.
Никогда, никогда, никогда
Не очнуться уже нам с тобою.

Может быть, и взаправду конец?
Может быть. Да и кто его знает?
Только глянть: воскресает Мертвец,
Крест могильный из вод поднимает.

Вспомним стихи о тонущей России у наших поэтов, хотя бы Виктора Никитина. Но мне историософские стихи Владимира Ерёменко как-то не по душе. Вроде речь идёт опять о возрождении России, но образ какой-то жуткий. И слово употреблено предельно неудачное – оживающий «Мертвец», – прямо упырь какой-то...

Мы завершили наш обзор. Возможно, что я слишком много привёл стихотворений полюбившихся мне поэтов, но мне хотелось, чтобы получилась и мини-антология небольшая, да и напомнить об их существовании. Ибо забвение даже хороших произведений – жестокий закон литературы... И я сознательно не затронул творчество Геннадия Юрова, надеясь сделать это в следующий раз. Отмечу ещё раз это явление странное и необычное: все ведущие поэты Кузбасса, пусть и по-разному, отозвались на древнюю легенду – и объяснения подобного феномена у меня нет... Прямо мистика какая-то! Не сомневаюсь, что список мой не полон и остались в стороне ещё неизвестные мне «китежане». Я не ставил задачу дать полную оценку нашей местной поэзии и пропустил почти полностью, например, любовную лирику. Но кое-что мне бросилось в глаза – отсутствие у приведённых мною поэтов дежурной «ленинской» темы, воспевания строительства коммунизма и другие интересные моменты. А сколько фальши было разного рода даже у крупных поэтов наших столиц! И в индустриальном краю наши поэты писали чудесную пейзажную лирику...

И последнее. Есть забавная форма литературоведения – писать о несвершённом. Я встречал любопытные статьи, где объяснялось сложно и интересно, почему тот или иной поэт не печатался в определённом журнале, не написал о том-то и том-то... А говорю об этом потому, что здесь тоже есть некая загадка – почему о Китеже не написал такой замечательный поэт, как Александр Ибрагимов? Все остальные написали! Пусть объяснится! Как-то неправильно это... Тем более, что и Атлантида у него есть... Я же благодарен всем упомянутым ранее поэтам за их близкие мне по научным интересам и прекрасные стихи...

Литература

БАБКИН Николай Федорович

Странички природы: Стихи / Николай Бабкин; [предисловие А. Бельмасова]. – Ленинск-Кузнецкий, 2006.

БЕРЕСНЕВ Валерий Викторович

Семейное дело: Стихи / Валерий Береснев / В кассете «Я знаю, что так не бывает»; [предисловие А. Казаркина]. – Кемерово : Кн. изд-во, 1990.

БОГАЧЕВ Сергей Сергеевич

Верую!: стихи / Сергей Богачев; составитель и ответственный за выпуск – Калашников Н. Н.; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Мастер-круг, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010.

ГЛАЗОВ Дмитрий Дмитриевич

Женщина желаний: Стихи / Дмитрий Глазов; [предисловие А. Ибрагимова]. – Кипр–Москва–Кемерово: ООО «Антон», 2009.

Мне снилась девочка босая...: Книга опасности и любви: [Стихи] / Дмитрий Глазов. – Кипр–Москва–Кемерово: ООО «Азия-Принт», 2010.

ДОНБАЙ Сергей Лаврентьевич

Смута: Стихотворения / Сергей Донбай. – Кемерово : Кн. изд-во, 1991.

Стихотворения / Сергей Донбай. – Кемерово : Сибирский родник, 1996.

Силица: Стихотворения / Сергей Донбай ; [автор вступ. ст. Виталий Креков]. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2006 .

Мы нарисуем город словом: стихи / С. Л. Донбай. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008.

ЕРЕМЕНКО Владимир Спиридонович

Белый иннок...: Стихи / Владимир Еременко; [предисловие Б. Бурмистрова]. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – (Православные чтения). – (Приложение № 9 к журналу «Огни Кузбасса»).

Высокий день: стихи / В. С. Еременко. – Кемерово: Вертоград, 2007.

ЗУБАРЕВ Валерий Федорович

Говорил со мною ветер...: [Стихи] / Валерий Зубарев. – Кемерово: Кн. изд-во, 1970.

Магнитное поле: Стихи / Валерий Зубарев. – Кемерово: Ковчежек, 1974.

Мыслящий огонь: Книга стихов / Валерий Зубарев. – Кемерово: Кн. изд-во, 1981.

Час пик: Книга стихов / Валерий Зубарев. – Кемерово: Кн. изд-во, 1988.

Другое «Я»: Стихотворения / В. Ф. Зубарев. – Кемерово: Ковчежек, 1998.

Зеркало Бога: стихи недавних лет / Валерий Зубарев. – Кемерово: Сибирский писатель, 2006.

КОВРИЖНЫХ Виктор Анатольевич

Я родился, наверно, не зря: Стихи / Виктор Коврижных. – Кемерово: Кн. изд-во, 1990.

По Токовинской дороге: стихи / Виктор Коврижных. – Кемерово: Сибирский писатель, 2004.

КОЛМОГОРОВ Николай Иванович

Хлеб исканий: Новая книга стихов / Николай Колмогоров. – Кемерово: Сибирский родник, 1993. – (Русская сибирская поэзия).

Избранные стихи / Николай Колмогоров; [предисловие автора]. – Кемерово: Сибирский родник, 1997. – (Русская сибирская поэзия).

КУДРЯВЦЕВА-КУЗНЕЦОВА Надежда Яковлевна

Эхо любви земной: стихотворения, публицистика / Надежда Кудрявцева-Кузнецова. – Кемерово: Кузбасс, 2008.

КУПРИК Анастасия Евгеньевна

Небесная ставка: Стихи / Анастасия Куприк. – Новокузнецк: «Озарение», 2003.

Привычка к полету: Стихи / Анастасия Куприк. – Кемерово, 2008. – (Приложение № 34 к журналу «Огни Кузбасса»).

МАХАЛОВ Валентин Васильевич

Вечерний разговор: избранные стихи / Валентин Махалов; [предисловие автора]. – Кемерово: Сибирский писатель, 1999.

НИКОНОВА Любовь Алексеевна

Перед чудом жизни: Проза и поэзия живого мира / Любовь Никонova. – Кемеровское кн. изд-во, 1990.

Мир благословенный: книга прозы / Любовь Никонova. – Кемерово: Сибирский писатель, 2006.

Свет неотступный: лики Родины в стихах и фотографиях / Любовь Никонova. – Кемерово: Книга, 2008.

ПАВЛОВ Валентин Павлович

Две жизни: Стихи / Валентин Павлов. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1995.

Живопись. Графика. Стихи / Валентин Павлов. – Новокузнецк, 2005.

ПЕРВУШИН Анатолий Васильевич

Становление чувственности: Монография / А. В. Первушин. – Новокузнецк: РИО НФИ КемГУ, 2002.

Действительность умопостигаемого: (монография) / А. В. Первушин. – Новокузнецк: НГПИ, 2007.

Сборник стихов / Ник. То. – Новосибирск: ОАО «Советская Сибирь», 2007.

ПОЭТЫ университета: Стихи. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004.

САМОЙЛЕНКО Сергей Витальевич

Неполное смыкание век / Сергей Самойленко. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000.

СОБОР стихов: Стихи-свидетельства о пути к Христу, написанные поэтами Кузнецкого края. – Кемерово: «Мастерская «Аз», 2003.

ЮРОВ Геннадий Евлампиевич

У родника на Красной Горке: очерки смутного времени / Геннадий Юров. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004.

Из библиографии ТАРАКАНОВА Сергея Борисовича

Сказание о граде Китеже в литературе русской эмиграции (Западная Европа) / Тараканов С.Б. // Образование и культура в 20 веке: (межвузовский сборник научных трудов). – Новокузнецк: Изд-во КузГПА, 2002. – С. 128–135.

Русская эмиграция в Китае и «град Китеж» / Тараканов С.Б. // Проблемы междисциплинарных связей в преподавании гуманитарных дисциплин: Материалы научно-практической конференции (6 декабря 2002 г.). Вып. 2. – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2003. – С. 52–57.

Антропософия о граде Китеже и смысле русской истории / Тараканов С.Б. // Проблемы междисциплинарных связей в преподавании гуманитарных дисциплин: (Материалы 3-й научно-практической конференции (5 декабря 2003 г.)). Вып. 3. – Новокузнецк, 2004. – С. 59–64.

Даниил Андреев о граде Китеже / Тараканов С.Б. // Проблемы междисциплинарных связей в преподавании гуманитарных дисциплин: (Материалы 3-й научно-практической конференции (5 декабря 2003 г.)). Вып. 3. – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2004. – С. 65–70.

Рерих о граде Китеже / Тараканов С.Б. // Гуманитарные науки и образование в контексте формирования исторического мышления: труды Всероссийской научно-практической конференции (Бийск, 12–13 мая 2005 г.). – Бийск: РИО БПГУ им. В.М.Шукшина, 2005. – С. 38–41.

Тема града Китежа в творчестве Ю. В. Линника / Тараканов С.Б. // Христианские ценности в воспитании и обучении: Материалы региональной научно-практической конференции. – Новокузнецк: Изд-во КузГПА, 2005. – С. 181–187.

«Китеж» поэта С. Н. Кошкарёва / Тараканов С.Б. // IV Чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925–1995): Материалы Международной научной конференции 22–23 апреля 2008 г. – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2008.

Град сокровенный (Китеж в творчестве кузбасских поэтов) / Тараканов С.Б. // V Чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925–1995): Материалы Международной научной конференции 21–22 апреля 2009 г. – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2009. – С. 225–240.

Китеж в поэзии 1930–1950 гг.: Илья Сельвинский / Тараканов С.Б. // VI Чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925–1995): Материалы Международной научной конференции. – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2010. – С. 253–257.

Тираж 100 экз.